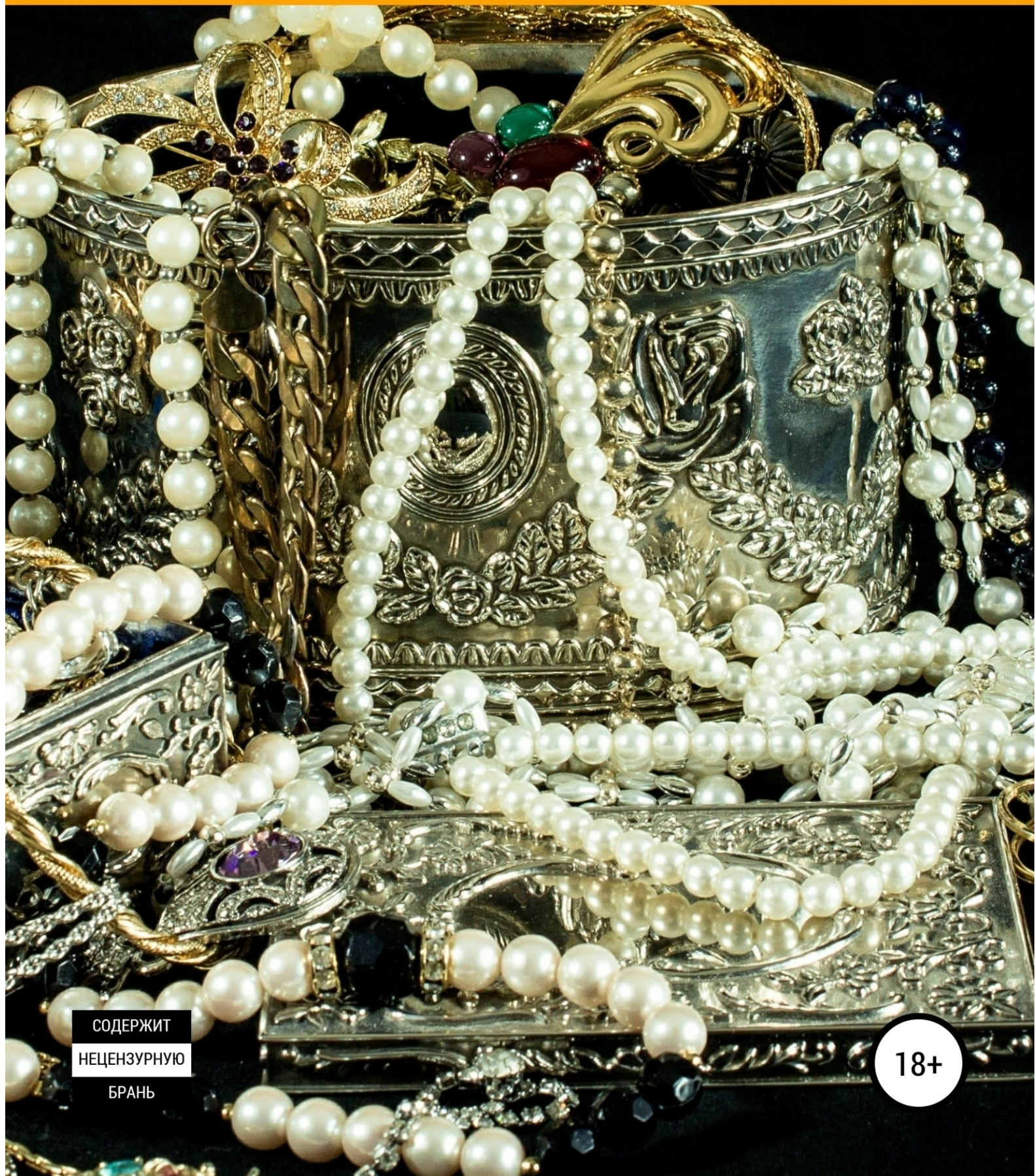

Константин Чубич

Золотой козленок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Чубич
Золотой козленок

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чубич К.

Золотой козленок / К. Чубич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Все конечно же помнят Остапа Ибрагимовича Бендера, красавца мужчину, великого комбинатора, а по совместительству отменного жулика. В «Двенадцати стульях» он погибает от рук Кисы Воробьянинова, но потом чудесным образом появляется на улицах славного города Арбатова, чтобы продолжить свои приключения. Было бы жалко с ним попрощаться ровно на том месте, где заканчивается «Золотой теленок», – на берегу пограничной реки, правда, с советской стороны. И это обнадеживает. Уже давно нет Советского Союза, но последователей у Остапа Ибрагимовича предостаточно, совсем как детей у лейтенанта Шмидта. Сударкин Владимир Константинович, он же Вениамин Бортник- Коновалов, он же Жульдя-Бандя, который, заметим, является внучатым племянником великого комбинатора, – один из них. Есть у него и свой Шура Балаганов, которого теперь зовут Фунтик. Та еще парочка, а действие, как водится, начинается в Одессе, где острят даже на похоронах. Содержит нецензурную брань.

© Чубич К., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Путешествие из федеративной Беляевки в районный центр	5
Глава 2. Тарасовский вокзал встречает своих ветреных пассажиров	8
Глава 3. Продолжение прерванной поездки в Санкт-Петербург с беспечными ветренными попутчицами	10
Глава 4. Гастролёры в Северной Венеции – городе белых ночей	15
Глава 5. Друзья снимают комнату в квартире старого хитрого еврея	18
Глава 6. Друзья осваивают «берлогу» старого Соломона	20
Глава 7. Знакомство с городом	23
Глава 8. Первые дивиденды от кровавого цвета корочки	25
Глава 9. Знакомство с Питером продолжается	28
Глава 10. Чудесное превращение одесского фармазона в биржевого маклера	31
Глава 11. Фунтик отдаёт дань профессии	33
Глава 12. Культурно-массовое мероприятие. Друзья отправляются на экскурсию в Петергоф	35
Глава 13. Поминальный обряд старого железного большевика	37
Глава 14. Гастролеры знакомятся с Карлсоном, который живёт на крыше	39
Глава 15. Щедрый дядя	41
Глава 16. Пополнение в рядах «святой троицы». Знакомство с другом Карлсона – Ёжиком	43
Глава 17. Экс-солист Мариинки покоряет сердца слушателей	45
Глава 18. Жульдя-Бандя оставляет болящего друга вдовствовать, совершая паломничество по городу	47
Глава 19. Лёгкий конфуз странствующего сердцеда	48
Глава 20. Жульдя-Бандя спешно покидает место своего интеллектуального провала	49
Глава 21. Наш неуёмный ловелас знакомится с художницей	50
Глава 22. Жульдя-Бандя отправляется со своей новой знакомой в Озерки, рядом с Шуваловским кладбищем	55
Глава 23. Молодые люди в Озерках	58
Глава 24. Легкий интимчик странствующего ловеласа и художницы возле ручья	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Константин Чубич

Золотой козленок

Глава 1. Путешествие из федеративной Беляевки в районный центр

На другой день, ближе к обеду, друзья шли по пыльной просёлочной дороге в Тарасовку – ближайший населённый пункт с вокзалом. Тарасовка была примерно в восьми верстах от первой Беляевки.

Фунтик, склонив голову, на ходу вошкался с брючным замком, дёргая туда-сюда собачку. Окончательно доломав его, выпустил наружу футболку, отчего стал похож на босяка, что было приличнее, нежели на сексуального маньяка.

Слева, на пригорке, вдали от мирской суеты покоилось беляевское кладбище на три-четыре дюжины постояльцев. Правая сторона общежития для мёртвых была в плену благоухающей амброзии. Она зелёным змием попирала территориальную целостность общественной усыпальницы. Безжалостно сожрала некоторые могилки, из которых, любопытствуя, торчали одинокие кресты.

Жульдя-Бандя, с хитринкою в глазах посмотрев на кореша, запел:

– А смерть нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь. Только в могиле ты сможешь обрести настоящее упокоение. Фунтик, а ты хотел бы, чтобы тебя похоронили на деревенском кладбище?

Дружок пока такого желания не испытывал, даже если бы его похоронили в мавзолее.

– Очень, – съязвил он, – но только после тебя.

– Тишь, покой, благодать, экологически чистый воздух, – принялся уговаривать товарища Жульдя-Бандя. – Никто не станет выкапывать твои косточки, чтобы на месте одного мерзавца похоронить очередного...

Фунтик оросил лицо неподдельной злостью:

– Жулик, за метлой следи!

– Ну не хочешь, так не хочешь. На нет и суда нет. Никто не неволит. Смерть – личное дело каждого, – Жульдя-Бандя приостановился. – А я нисколько не жалею о том, что мы покинули сороконожку здесь, на краю земли, вдали от цивилизации, – он сиял, как колорадский жук, попавший на поле молодого картофеля. – Прекрасные люди, весёлая свадьба, – он хихикнул, вспомнив удивлённый испуганный лик хуторского шута Хомы после феерического взрыва уборной. – Для сюжета не хватало только драки.

– А ты хотел, шоб казачьё набило тебе рыло и расписало под хохлому?

Друзья стали делиться впечатлениями о свадьбе, украшая свои похождения ложью. Особенно в этом преуспел одесский фармазон, которому соблаговолили отдаться «три девицы», исключая, естественно, мамашу.

– А ты знаешь, шо я подумал?

– Не знаю, – признался Фунтик, улыбаясь потугам дружка говорить на одесском наречии.

– А начнём-ка мы свою гастроль, наверное, с Иваново, – Фунтик недоумённо посмотрел на кореша. – Тебе не нравится Иваново? Иваново – город невест. Там невест – во! – Жульдя-Бандя провёл большим пальцем по шее ниже подбородка. – Там невеста на невесте и невестой погоняет!

– А почему не с Ашхабада? – вполне резонно подметил Фунтик, полагая, что тому вновь взбрела в голову очередная дурь. Он, непонятно почему, прибавил шаг.

Дружок улыбнулся:

– Не торопись, а то успеешь. Куда спешить – такой жара, – он остановил взгляд на полевой мыши, волочашей через дорогу стебель зрелой пшеницы. – Маленький мишка, на четыре ножки.

Фунтик равнодушно посмотрел на грызуна. Жульдя-Бандя рассказал дружку историю про маленького мишку, происшедшую на Стойле, ничуть не привирая, что искренне его рассмешило.

– Холодные, злые и неуравновешенные питерские бандюки, мой друг, не терпят гастролёров. Хотя их не приветствуют и в Сыктывкаре, – собеседник многозначительно улыбнулся, заменю одной буквы обезобразив столицу целой республики на северо-западе империи. – Вы, немногочуваемаый гражданин Фунтик, даже не представляете масштабов предприятия, в котором я назначаю вас своим первым замом, – Жульдя-Бандя похлопал кореша по плечу: торжественно и многообещающе, в соответствии с занимаемой должностью.

– Зато я представляю, шо будет потом! – заместитель улыбнулся, снимая с плеча руку шефа.

– Не вешайте носа, гражданин Фунтик, все там будем! – обнадежил дружок, весело помакивая саквоюжем. – Подумаешь, на одну сволочь станет меньше.

Фунтик остановился с печатью недоумения на лице, с тем чтобы прояснить – на какую.

– Ты кого имеешь в виду?

– Себя, конечно. А ты за кого подумал?! – Жульдя-Бандя, оставив хитринку на лице, продолжал: – Судьба способна любого, в одно мгновение, разжаловать в покойники. Смерть, мой юный друг, – это единственный и, возможно, самый удачный выход из жизни.

Фунтика такой выход нисколько не воодушевлял, и он кисло, будто сосал дольку лимона, улыбнулся.

– Мы устроим в Питере такой «кардабалет», шо никто не поверит, шо такова натворили двое простых советских парней.. – Фунтик, ранее не подозревавший о том, что он простой советский паренёк, улыбнулся. – А Ашхабад оставим на дэсэрт, – Жульдя-Бандя заменил в последнем слове «е» на открытое «э», с претензией на нечто французское, хотя для этого не хватало пресловутого прононса, – потом – Сочи, море, круизный лайнэр, темпераментные грузинки...

– С небритыми ногами, – Фунтик хихикнул.

– А лайнэр я тебе подарю на день рождения.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности – так, пусячок, – щедрый дядя театрально взмахнул рукой.

– Поменяем имидж, – Фунтик мечтательно закатил глаза, удивляя дружка своими энциклопедическими познаниями, подразумевая, вероятнее всего, смену специализации.

– Предварительно было бы неплохо поменять носки, – напомнил товарищ, поскольку сие мероприятие следовало бы провести безотлагательно.

Слева, в заброшенном саду паслось стадо овец. Фунтик устремил туда взор:

– Жулик, гля, бараны пасутся.

– Это не бараны, это овцы, – пояснил Жульдя-Бандя, – а бараны их пасут.

– Умник, мать твою, – в сердцах выругался кореш.

Вдалеке робкий июньский ветерок закрутил столбом дорожную пыль.

– Смерч, – Фунтик пустым безразличным взором посмотрел туда.

– Смерчонок, – уточнил Жульдя-Бандя, пнув ногой по прошлогоднему кусту перекасти-поля, который колобком покатился по дороге.

Осталась позади первая Беляевка из дюжины домов, притулившихся к лесополосе, преследующей железнодорожное полотно. В полутора километрах от неё – поповское кладбище, которое было много больше, и могилки ухоженные, а местами – с коваными оградками.

- Цыганская, – Жульдя-Бандя кивнул в сторону крытой могилы.
- А ты откуда знаешь? – Фунтик отправил в сторону друга вопросительный знак.
- Цыгане всегда навесы строят.
- Шоб жмурики не промокли?
- Чтобы самим не промокнуть... во время дождя.

Вспыхнувший колокольный перезвон отвлек друзей, переместивших взоры на убогую деревянную церквушку эпохи Возрождения. На ней не было ни крытых позолотой куполов, ни кованых ограждений, ни пристроек: всё по-деревенски просто и убого.

Колокола звонили к обедне. Один из них, будто заболевший, издавал какой-то приглушённый и короткий, безрадостный звук (возможно, лопнул от старости и усталости чугунный корпус).

- Заздравная, – Жульдя-Бандя повернулся к Фунтику, пояснив, – в мою честь.

Тот язвительно растянул губы, предположив:

- А может, заупокойная?..

– В твою. Без меня, дружище, у тебя нет никаких шансов выбраться из нищеты, – Жульдя-Бандя похлопал Фунтика по плечу.

Тот кивнул, аспидной улыбкой заполнил лицо, намекая на то, что на момент их встречи его финансовое состояние в десятки раз превышало состояние того, кто собрался вытащить его из нищеты:

- Сам Бог послал меня к тебе!..

Глава 2. Тарасовский вокзал встречает своих ветреных пассажиров

...В бриллиантовых мечтах друзья добрались до вокзала постройки времён доисторического материализма – плюгавенького строения из красного кирпича, с обшарпанными скамейками, где мечты обрели более приземлённые формы.

Сохраняя вековые традиции, скамейки были исписаны кириллицей. Например, та её часть, на которой впоследствии утвердился Фунтик, несла лаконичное военно-политическое воззвание – «бей макраталавцев». Жульде-Банде же досталось житейское – «Парфён мудака» и «А + С = любовь до гроба». Кто-то из шутников после «гроба» дописал белым фломастером – «бараны оба».

У окошка с серийным номером один – собственно, единственного на вокзале, если исключить окно с угрожающей, жирными кровавыми буквами надписью на стекле «Дежурный по вокзалу» – стояли две женщины возраста преклонной молодости.

Они были явно пролетарского происхождения, даже невзирая на потуги выглядеть несколько вызывающе, по-городскому. Они бурно обсуждали взрыв бомбы в уборной на Беляевской свадьбе, где районная газета, питающаяся, как и все провинциальные, – как, впрочем, и центральные газеты, – слухами, сплетнями, домыслами и догадками, принесла в жертву ныне здравствующего хуторского шута Хому.

– Девочки, с позволения сказать...

Женщины прыснули, напомнив Жульде-Банде Хому и Марихуану со свадьбы в Беляевке.

– Девочки, – цинично вторгшись в прошлое незнакомок, спросил он, – случаем, не вы последние?

– Нет, не мы, а вы, – та, что повыше, указующим перстом правой руки обозначила Фунтика, а левой – его.

За амбразурой кассы № 1 главенствовала дородная тучная женщина, раздражённая систематическими претензиями пассажиров. Они требовали исключительно нижние полки в плацкартных вагонах и на безопасном удалении от туалетов, опасаясь быть удушенными парами аммиака.

Она была медлительна и нерасторопна, как все кассирши железнодорожных вокзалов, работающие за оклад. Её движения умирающей улитки приводили в бешенство тех, чей поезд стоял на перроне в намерении произвести свой прощальный гудок. Потенциальные пассажиры утробно вспоминали её ни в чём не повинную родительницу, под аспидными улыбками хороня на душе яд.

Очередь таяла так медленно, что каждого билетобладателя провожали завистливыми взглядами, как счастливец, выигравшего в лотерею телевизор «Горизонт», а то и вовсе холодильник «Юрюзань».

Через время женщины взяли билеты до Санкт-Петербурга, после долгих мытарств в политических водоворотах вновь обретшего своё девичье имя.

– Поезд Кисловодск – Санкт-Петербург, восьмой вагон, 9-е, 11-е место, – сухо сообщила кассирша, протянув в амбразуру билеты. Она тут же закрыла полукруглое отверстие табличкой с надписью: «Технический перерыв – 15 мин».

Жульдя-Бандя попытался опротестовать приговор, поскольку сия процедура, судя по расписанию, должна была случиться только через час, но тучная кассирша, с необыкновенным проворством покинув насест, исчезла за перегородкой.

– Вот непруха, это ж надо, а такой чудесный вечер был (А. Розенбаум)... – сопровождал таинственное исчезновение кассирши Жульды-Бандя, вызвав горькие улыбки на лицах очередников.

Счастливые обладательницы билетов покинули душное помещение вокзала. Они, перебывая друг дружку, потому что получили сведения из различных источников, принялись рассказывать о «втором пришествии Исусика» у излучины реки в Беляевке, за свинарником. Слухи об этом уже к обеду следующего дня облетели весь район...

Минут через сорок королева билетной кассы, не обращая ни малейшего внимания на митингующих пролетариев, возгнездилась в кресло, раскрыв окошко амбразуры. Крохотных размеров его явно не хватало, чтобы впустить надежды отчаявшегося в ожидании народа.

Глава 3. Продолжение прерванной поездки в Санкт-Петербург с беспечными ветренными попутчицами

– Два до Питера, желательнее в восьмом вагоне, желательнее – 10-е, 12-е места, – Жульдя-Бандя заговорщически кивнул, захлопнув створки глаз, подтверждая, что вождения будут материализованы.

Кассирша понимающе кивнула, отчего её пассажироненавистническое лицо вдруг стало каким-то добрым и глупым. Червонец сверху и вовсе преобразил тучную женщину, сделав её пушистой и безоблачной.

– Много ли нужно человеку для счастья, – шепнул на ухо товарищу Жульдя-Бандя, чрезмерно польщённый своей находчивостью.

Друзья мужественно терпели до прихода поезда, который, по устоявшейся традиции министерства путей сообщения, опоздал на четверть часа. Они стояли поодаль от щебечущих казачек, никоим образом не выказывая плотских намерений. И впоследствии, знакомясь, выразили искреннее удивление, встретив их в купе уже в качестве попутчиц.

В вагоне ехало не более десятка пассажиров, что искренне радовало проводников. Людям в столь смутные времена, когда социализм ещё не умер, а капитализм пока не родился, было не до жиру.

Попутчицы оказались весёлыми, наивными и доверчивыми, как и все – корнями от земли и сохи.

– Зина, Света, – поочередно протягивая лапки, представились женщины.

Зина – платиновая блондинка с яркими полными, чувственными губами, своим видом подчёркивала отчуждение от сельских простушек. Света – русоволосая, пожалуй, посимпатичнее и на полголовы выше, была в новомодных джинсах Levi Strauss. Это могла себе позволить разве что дочка первого секретаря райкома партии.

– Витя, Федя, – представились молодые люди, которые тоже, кстати, не походили на крестьян. Жульдя-Бандя, которому понравился добродушный наивный азиат, пожелал побыть Федей. К своему стыду, он заметил, что доселе никогда не был Федей, хотя тот ничего плохого ему не сделал.

Дамы сообщили о своём намерении переодеться.

– А мы не стесняемся, – честно признался Фунтик, коего следовало бы уже называть Витей.

– А мы стесняемся, – в голос заявили дамочки, депортировав представителей сильной половины в проход.

«Это пройдёт», – подумал Жульдя-Бандя, и друзья отправились в вагон-ресторан за лекарством от стеснительности.

Вернувшись, попутчики выложили из пакета бутылку «Кизлярки» и пышущего жаром запечённого в фольге гуся, ради которого пришлось больше получаса томиться ожиданием.

Женщины уже сидели в домашних халатах. Зина – в махровом рубинового цвета, Света – морской волны, из китайского шёлка, с выбитой на спине цветущей сакурой с розовыми цветками и пурпурными листьями. Они были явно встревожены столь долгим отсутствием попутчиков:

– А мы думали, что...

– Шо мы отстали от паравоза? – Фунтик улыбнулся, выставляя на стол позаимствованные у проводницы стаканы.

– Шо паравоз отстал от вас, – передразнив, хихикнула Зина, закинув ногу на ногу, до неприличия оголив утомлённые загаром окорочка.

Солнечные ванны, правда, приходилось принимать на огороде у матери с тяпкой в руках, поскольку в деревне слово «отпуск» на русский язык не переводится, а летом и подавно. Именно поэтому сельчане, уставшие за свой рабский труд получать гроши и зарабатывать грыжу, переезжали в город, что и сделали попутчицы. Они возвращались домой, в Санкт-Петербург, на неделю раньше, чтобы успеть разогнуть изнурённые сельским трудом спины.

Жульдя-Бандя жестом пригласил женщин к столу, вернее, к его жалкой копии:

– Милости просим разделить с нами радость бытия.

Женщины для приличия немного помялись, но вид распелёнутого из фольги гуся, с коричневой поджаристой коркой, делал сопротивление лишь данью традиции, и ничем больше. К тому же – вчерашних провинциалок не часто потчевали коньяком.

Казачки, как выяснилось позже, родом из Тарасовки – районного центра, в который, в числе прочих, входит федеративная Беляевка. Они оказались не робкого десятка, и на половине гуся «Кизлярка», обмелевши окончательно, была выброшена в окно.

Фунтик, дабы отворотить дефицит спиртного, кинув загадочное: «Щас», – скрылся в дверном проёме.

Совершив паломничество в вагон-ресторан, воротился с бутылкой «Столичной». Тратиться на «Кизлярку» особой нужды уже не было.

– Коньяк кончился, – Фунтик развёл руками, читая на лицах попутчиц немой вопрос. – Примите наше искреннее соболезнование.

Жульдя-Бандя улыбнулся, смотря на то, как интеллектуально возмужал кореш, конечно же, не без его участия.

– Принимаем! – Светлана, как старому другу, пригласительно махнула рукой. Женщины были уже навеселе и, утратив инстинкты, перестали беспрестанно поправлять полы халатов, демонстрируя спелые сочные груди до тех пределов, после которых назначение домашней одежды начинало утрачивать свою сущность.

Зинаида приходилась Светлане золовкой, и, хотя они дружили, ей необходимо было всё же помнить об этом. Она сидела у окна, напротив новопредставленного Фёдора, и, роняя на него нечаянные взгляды, придвинула ногу к его ноге. Это сокрывала столешница, которой, однако, не удавалось утаить червового интереса к молодому человеку.

Фунтик, удивляя друга, стал красноречиво и правдоподобно врать о своей последней экспедиции на Крайний Север, где он, в качестве полярного исследователя, корпел, изучая арктические льды. Он рассказывал о том, как они приручили белого медведя, подкармливая его салом, олениной и полюбившимися ему конфетами.

Впрочем, полярная экспедиция Фунтика закончилась гораздо южнее, на Урале, в яснополянском «профилактории» строгого режима.

– И что – вы съели собаку?! – доверчивая простушка Зинаида выказала такую степень удивления, будто геологи съели начальника экспедиции. Они прожили в Ленинграде около десяти лет, но всё равно оставались доверчивыми и наивными, глупыми провинциалками.

За разговорами мгла сожрала день. И пытливые глаза фонарей на полустанках беззастенчиво заглядывали в купе, в котором безликая лампочка дежурного света придавала обстановке лёгкого интима.

– Мальчики, пойдём, покурим, – Светлана по-свойски взяла под руку понравившегося ей больше Фёду. В Питере, чтобы снять с себя чёрную метку провинциалок, нужно было курить, по утрам вместо чая пить кофе, и говорить, кстати, не «кофэ», а кофе. Ходить в театры и, при случае, не забывать рассказывать об этом.

– Зинуля, а ты что – курить бросила?

– Бросила, – ответила Зинаида.

Фунтик хихикнул, зная точный перевод по фене.

Жульдя-Бандя с удовольствием повиновался, и они покинули купе, услышав, как тотчас щёлкнул замок, что наводило на недетские мысли.

В тамбуре присутствовал дух аммиака, пожирающий остальные запахи. С купейным вагоном соседствовал плацкартный, а там убирать в туалетах было не принято. К тому же пассажиры плацкартных вагонов, в силу своего пролетарского невежества, частенько мочились в «гармошках» – переходах между вагонами, не желая утомлять себя ожиданием в очередях.

– Прошу, – Светлана протянула пачку «Космоса». Попутчик изъял сигарету и галантно предложил даме, предупредив:

– Курить вредно.

– Не может быть! – попутчица щёлкнула зажигалкой, сладострастно затянувшись дымом.

– Минздрав предупреждает: «Курение опасно для вашего здоровья!» – прочитал внизу пачки краткую эпитафию от Минздрава новый знакомый. Впрочем, нисколько не рассчитывая на то, что это возымеет действие.

– Кто б знал, если бы не эти сигареты, что у нас в стране существует Минздрав, – молодая женщина поддела коготком ленточку с пустым воззванием и, смяв обёртку, бросила в угол.

Она курила с излишней манерностью и аристократичностью, что в тамбуре вагона выглядело комично. Закончив, небрежно бросила окурочек на пол, подчёркивая своё пролетарское происхождение.

Светлана подхватила попутчика под руку, нисколько не опасаясь случайных знакомых, и повела в купе. Дверь оставалась запертой, что на недетские мысли уже не наводило. Она подёрнула ручку, возвещая об отсутствии желания дожидаться в проходе.

Фунтик, виновато улыбаясь, как создавший очередь посетитель общественной уборной, отворил дверь. Он незаметно подмигнул дружку, что пояснений не требовало. Зинаида, нарочито громко шелестя страницами светского журнала «Мода и стиль», удивлённо подняла глаза на вернувшихся.

Спиртное закончилось далеко за полночь. Это любимое время проводников, когда можно отдохнуть от остопротивевших пассажиров, с их бесконечным потоком претензий, просьб, жалоб на грязь в вагоне и шумных попутчиков, сетований на холодный чай.

Светлана встала, слегка покачиваясь, увлекая за собой Жульдю-Бандю. Тонем, не допускающим возражений, предложила:

– Пойдём покурим.

Зинаида мутным стеклянным взглядом окинула уходящих:

– Вы... вы ку... куда?

– Срочный вызов в Папуа – Новая Гвинея на совещание по вопросам окультуривания папуасов.

Та, равнодушно махнув рукой, стала клониться к подушке. Фунтик уже спал, сидя в противоположном углу. Проходя мимо туалета, попутчица повернула ручку. Дверь оказалась запертой. Проследовали в другой вагон. Светлана бесцеремонно втокнула Жульдю-Бандю в тесную кабинку, где устойчивый запах испражнений абсолютно точно определял человеческую сущность.

Щёлкнул замок. Темпераментная попутчица без предисловий и лишней возни распахнула халат, заявляя о неограниченности доступа к телу. Ловко справившись с замком ширинки, спустила штаны пленника заодно с трусами, выказывая претензии только к нижней половине. Стала спешно и суетливо мять рукою член, набухающий и твердеющий, как по мановению волшебной палочки.

Другую спустила ниже колен розовые, с выбивкой, прозрачные как вуаль трусики. В кабинке было настолько тесно, что даже вездесущая Камасутра вряд ли могла предложить достойное решение.

Светлана, оглядевшись, приняла единственно правильное решение, которое в этих условиях было наиболее приемлемым. Она взгромоздилась ягодицами на край нержавеющей раковины, насколько позволял сосок крана.

Широко раздвинула ноги, с тем чтобы не тратить драгоценного времени на прелюдии, которые в тесном сортире были неуместными. Она определила руки на плечи любовнику, который уже вполне соответствовал этой должности, поскольку его член уже утонул во влагище любвеобильной пассажирки.

– Давай, давай, давай! – настойчиво шептала похотливая попутчица. Она и сама, не оставаясь безучастной, поддавала, наполняя крохотное помещение скрипом и стоном, к счастью, пожираемыми топотом колёсных пар.

Она несколько не ощущала боли от того, что мягкая нежная плоть ягодиц врежется в металлическое ребро раковины. Тут любовница, как пантера, впилась когтями в спину партнёра и, громко и надрывно выдохнув, обрушила всю свою безвольную массу на нержавеющую посудину. Та, издав скрип отворяемой калитки, покосившись на один край, обвисла, держась на честном слове.

– Сматываемся! – Жульдя-Бандя, как нашкодивший кот, торопливо натягивал штаны, судорожно запихивая пуговицу в петлю. Приоткрыл дверь, дабы утвердиться в отсутствии свидетелей. Потенциальные очевидцы мирно почивали, как почивали и проводники вагона, не ведая о случившемся ЧП.

Нашкодившая парочка, осторожно поворачивая дверные ручки вагона, тихо, как мыши, добрались до своего купе. Тотчас утонули в нём, оградившись щеколдой от внешнего мира.

Фунтик с Зинаидой спали: Фунтик – сидя, определив буйну головушку на край стола. Зинаида – на нижней полке, головой к проходу, небрежно разбросав руки и ноги. Половинка халата ниспадала, обнажив белые трусики и спелую грудь с внушительным соском на почернелом в темноте пятячке. Она была пьяна и доступна, как «Капитал» Маркса в районной библиотеке.

Этот пейзаж врезался в мозг и душу странствующего ловеласа, и он твёрдо решил пополнить его своей романтической натурой. Светлана, будто предчувствуя это, определила полу халата золовки на место.

Блудливая парочка забралась на вторую полку, чтобы в человеческих условиях завершить начатое. Любвеобильная пассажирка стянула с себя трусы, что уже успел сделать любовник, раскинула ноги так широко, будто туда должен был заехать бульдозер.

...На сей раз грешники разрешились одновременно. Светлана также была пьяна и стала засыпать с членом во влагище.

Жульдя-Бандя перебрался на противоположную полку. Заснуть он не имел права: ни как странствующий женолюб, ни как гражданин, ни как человек, ни как мужик, в конце концов. К тому же пола халата Зинаиды снова обрушилась, обнажив зовущую, кричащую, манящую грудь.

Рубинового цвета халат вспыхивал от света одиноких фонарей на полустанках, и создавалось впечатление, что она лежит в луже крови. Это возбуждало ещё больше.

Наш ветреный повеса около получаса наслаждался пейзажем. Светлана посапывала – обнажённая и доступная, но этот плод уже был сорван с чужой ветки, и хотелось вкусить райского яблочка с соседней яблони.

Жульдя-Бандя спустился вниз. Бесцеремонно вторгся в райские заросли, сокрывающие желанную пещеру. Прильнул губами к соску. Фунтик что-то промычал, будто выказывая недовольство. Вибрирующими движениями пальца стал тревожить клитор. Зинаида в полусне инстинктивно раздвинула ноги. Жульдя-Бандя, не церемонясь, залез на неё.

Поправ членом трусики, вторгся в райские владения. Пьяная полусонная женщина хаотичными движениями таза выказывала своё непротивление и даже желание. Справившись с

нехитрыми обязанностями человеческого самца, бродячий Казанова снова залез на вторую полку. Алкоголь и усталость стреножили веки, и он, с чувством выполненного долга, погрузился в сладкую дрему....

Глава 4. Гастролёры в Северной Венеции – городе белых ночей

...Северная столица с южным гостеприимством встретила гастролёров. Голубое небо с редкими огрызками рваных туч, жаркое летнее солнце, с нетерпением разгорячённого любовника раздевшее холодных, меркантильных, практичных питерчанок, приняли незваных ветреных гостей.

Попутчицы, в объятиях любящих мужей, растворились в людской каше. Оставили о поездке лишь нечаянные воспоминания, чтобы в старости потчевать проклятую ненасытную ностальгию.

На выходе из вокзала на друзей напала дружная стайка пожилых сограждан с предложением гостиничных услуг на дому, при этом, непременно, в самых живописных районах города. Ушлые и хитрые квартиросдатчики умудрялись свои трущобы времён царя Гороха, с деревянными перекрытиями, сдавать, наделяя их сомнительными историческими ценностями.

Отъявленному грузину или лицу с явно выраженными коммунистическими взглядами предлагалась квартира, в которой якобы молодой Коба, а впоследствии – отец всех народов, слава богу, от любви платонической, возглавлял русское бюро ЦК РСДРП в 1914 году.

Женщины бальзаковского возраста клевали на Шаляпина, Есенина, Ахматову. Евреи, независимо от возраста, не клевали даже на Троцкого. Они с холодным равнодушием сбивали цену до пределов, ниже которых постояльцы становились уже в убыток, в отместку гарантируя чистоту и порядок...

Друзей, вклинившись, разъединил юркий старичок с маленькими хитрыми бегающими глазами. Он был высохший, как омертвелые ветви клёна. Создавалось впечатление, будто он живёт три дня в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, остальные существует или делает вид, что живёт.

Старик никогда не был женат, и его мнение о женщинах было идентично мнению миллионов холостяков. До той поры, пока одна из них не становилась хозяйкой в его доме.

– Джентльмены обременены поисками жилья?! – взглянув сначала на одного, затем на другого, безошибочно определил он.

– Да здесь гостиниц как грибов! – сходу сбивая ещё необъявленную цену, заявил Жульдя-Бандя, кивнув в сторону дома на площади с огромной вывеской над верхним этажом – «Гостиница «Москва».

– Гостиниц?! – старик обьял каждого недоумённым взглядом, будто соизмеряя величину идиотизма. При этом его маленькая хитрая головка в вопросительной тональности слегка склонилась вправо. Это был профессиональный взгляд следователя, жены, допрашивающей вернувшегося рано... утром супруга, или кондуктора общественного транспорта, поймавшего настоящего «зайца».

– Гостиниц, – подтвердил и Фунтик, утвердив взор на гостинице напротив.

– Для гостиницы, – пояснил старик, почесав тонкими сухими пальцами острый подбородок, – нужны деньги и незапятнанная биография, поскольку каждый индивид фиксируется в реестре и рискует стать... – незнакомец заговорщически хихикнул. – Сейчас в каждой камере... пардон, в номере как минимум по два жучка: один от КГБ, другой от ЦРУ.

– Нам бояться нечего, – Жульдя-Бандя честной пролетарской улыбкой обнял пожилого аборигена, запев: – Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути (М. Светлов).

– К тому же у меня дешевле, и ещё, я вам скажу по секрету, – лицо старика покрылось грифом секретности особой важности, – вы мне, конечно же, можете не верить!..

После такого монументального заявления друзья не поверить не могли, и каждый оберегал себя от того, чтобы не рассмеяться.

– Я поселю вас в апартаменты, где в одна тысяча девятьсот восьмом году...

– Родилась Клеопатра?! – предположил Жульдя-Бандя.

Старик, нисколько не смутившись, продолжал:

– Великий бабник всех времён и народов Гришка Распутин, – указательный палец, с хрустом распрямившись, восклицательно взвился вверх, – имел целую, – квартирный магнат с таким воодушевлением переместил руку в сторону Мариинского театра, утонувшего в грациозном великолепии каменных изваяний, словно до этого великий бабник пользовался исключительно половинками, – целую, – напомнил он...

– Марию-Антуанетту...

– Анну Павлову! – старик победоносно замотылял высохшим, как хворостина, пальцем, будто Гришка Распутин до неё имел ещё и Екатерину Великую. – Он похитил великую балерину прямо из гримёрки, сразу после исполнения ею Жизели. Но это ещё не всё...

– Короче, папаша, – Жульдя-Бандя дружески определил руку на хлипкую высохшую конструкцию пожилого аборигена, чтобы Гришка Распутин в его апартаментах ненароком не поймел бы ещё и статую Свободы, – мы почти согласны. Осталось выяснить, сколько будет стоить проживание в вашем курятнике времён доисторического материализма? Кстати, – он смахнул с руки тополиную пушинку, – надеюсь, Анна Павлова уже покинула святое ложе? Мой друг плохо переносит старух. Это перешло к нему с детства, когда его покойная бабушка безуспешно пыталась сделать из него человека...

Фунтик, адекватно нанесённому ему моральному ранению, стукнул остряка кулаком в бок.

– Не извольте беспокоиться. Отплясалась давно уже бедная, а вот ложе, на котором происходило великое соитие... – старик ощерил беззубую пасть, – удалось сохранить.

– Бельё тоже? – съязвил Фунтик, коему надоело слушать весь этот бред.

– Увы.

– Жалко. С детства мечтаю поспать на простынях из-под балерины.

– Оно у вас ещё не закончилось, – язвительно подметил старичок, моргая увеличенными в линзах очков глазами.

Жульдя-Бандя, искренне опасаясь, что хлипкая конструкция пожилого человека может в любой момент рассыпаться, вернул руку, обращаясь:

– Ну так что всё-таки нам скажет музейный смотритель относительно...

– Меня зовут Соломон Григорьевич, – представился квартиросдатчик, не желая в свою сторону двусмысленности.

– Несмотря на некоторые противоречия во взглядах на жизнь, я думаю, мы сможем найти общий язык, – Жульдя-Бандя улыбнулся, утробно обозначив: – «Иудушка Головлёв».

Соломон, всячески оттягивая нелिцеприятную процедуру оглашения приговора, повёл друзей по переходам через площадь, орошая эпитетами архитектурную ценность района, будто те собирались обустроиться у памятника Екатерине Великой.

На благоприятном удалении от конкурентов, предлагавших более дешёвое и уютное жильё, хитрый еврей, не останавливаясь, дабы не дать друзьям возможности сосредоточиться, стал блеснить, ничуть не сомневаясь, что рыба уже на крючке.

– Я беру недорого – всего-навсего по десять рупий, – старик прибавил ходу до крейсерской скорости, с тем чтобы цифра не казалась столь удручающей.

– Шо?! – Фунтик остановился, удивлённо хлопая глазами. – По десять рублёв?!

Соломон понял, что молодые люди уже научились считать, и с девичьей скромностью уточнил:

– За сутки.

– За двоих! – сурово объявил Фунтик, давая понять, что другая цифра рассматриваться не будет.

– Ну, конечно, за двоих, – неохотно согласился старик, хотя за одного ему импонировало больше, на что он, чего греха таить, и рассчитывал. К тому же он знал, что не у каждого хватит мужества остаться в его апартаментах с деревянными перекрытиями, коим уже больше века.

– Мы согласны, – Жульдя-Бандя протянул руку. – А согласие – есть продукт при полном непротивлении сторон, как говорил измученный нарзанами механик Мечников, упокоившийся на страницах гениальной комедии «Двенадцать табуреток».

Глава 5. Друзья снимают комнату в квартире старого хитрого еврея

– Ну и каким образом наш музейный смотритель собирается организовать доставку тел к лежищу Распутина? – Жульдя-Бандя весело взглянул на обречённого на старость еврея.

Тот, ухмыльнувшись, обозначил способ, перебирая в воздухе указательным и средним пальцами.

– Вы, извиняюсь, к нам по какому случаю, если не секрет? – осторожно полюбопытствовал он.

– Русо туристо. А это мой лакей. Сейчас модно путешествовать с лакеями, – Жульдя-Бандя похлопал Фунтика по плечу. Лакей отвесил своему господину мощный удар в грудь. – У меня очень вспыльчивый холоп, – пояснил он, – поэтому его иногда приходится направлять на путь истинный. – Жульдя-Бандя для этой цели занёс над головой дружка увесистую широкую ладонь.

Тот, ловко увернувшись, настойчиво порекомендовал:

– Дядя, только без рук! – он примирительно выпятил перед собою ладони, униженно опираясь на прочный фундамент уголовного кодекса, с которым у него, как раз-таки, были диаметрально противоположные взгляды на жизнь. Собственно, по этой причине его периодически изолировали от общества, ведущего оппортунистическое соглашательство с дружным хором коммунистических проповедей...

Дом старого коммерсанта, в котором тот занимал две комнаты, переживший не одно поколение квартиросъёмщиков, утопал в глупой роскоши неполитизированных античных статуй, своей откровенной наготой пугающих старух, у которых открытые формы вызвали открытое раздражение.

Фунтик, изловчившись, подпрыгнул, шлепнув ближайшую к нему Венеру по холодным ягодицам, вызвав у гнездящихся на скамейке старух возле подъезда лёгкую степень раздражения.

– Здравствуйте, девушки! – весело поприветствовал молодой человек несколько перезревших девиц. – Женихов ждём?

Самая молодая из «девушек», разменявшая девятый десяток, криво улыбнулась:

– Женихи наши, милоч, давно уже копыта отбросили.

Друзья хихикнули: из уст перезревших благочестивых аборигенок жаргон выглядел как нечто оригинальное...

Глазок квартиры Соломоновой двери был объят подковой, что, по его мнению, являлось высшим достижением дверного монументализма. Самая дверь была окаймлена резной деревянной рейкой работы неизвестного мастера, отображающей строгие геометрические формы. В центре же математической двери – текучесть сложных криволинейных форм с мягким орнаментом буйствующей соцветиями флоры.

– Какое грандиозное сочетание стилей! Прямо-таки – декоративно-прикладная смесь эпох. Однако нет всплеска, – Жульдя-Бандя провёл рукой по позолоченным холмикам деревянной композиции. – Я бы добавил в эту дверную манускрипцию немного экспрессии. Я бы, например, вместо подковы присобачил колесо от телеги или корабельный якорь.

– А корабль бы вы не присобачили?! – отпарировал Соломон, отворяя дверь.

Квартира старого еврея более походила на свалку антикварного неликвида.

– Шикарная берлога, – неумело скрывая иронию, констатировал Жульдя-Бандя, вытирая подушечкой большого пальца пыль с почерневшего от времени медного подсвечника.

– Интэрэсная хибара, – согласился Фунтик, наивно выискивая среди доисторического хлама нечто по своей специальности.

– Эрмитаж на дому. Вы, мой юный друг, прямо скажем, музейный смотритель на общественных началах, – Жульдя-Бандя, с лёгкостью выкрал у старика как минимум полвека, дружески похлопал его по плечу. – «Царей портреты на стенах, и печи в пёстрых изразцах» (А. Пушкин). – Жульдя-Бандя провёл ладонью по запылившейся копии портрета Павла I в прихожей.

Хозяин, не чуя лести, вознёс подбородок, пригласив квартирантов в спальню – на просмотр головного экспоната.

– Наш породистый самец, однако, находил утешения в пошлой роскоши буржуазного бытия, – трогая на спинке массивной резной дубовой кровати обшарпанный шар, заключил Жульдя-Бандя, ничуть не веруя рассказам старого еврея. Напротив, как застенчивая гимназистка, к стене притулилась узенькая односпалка из прессованных опилок.

– Чудное пролетарское ложе эпохи возрождения социализма, – он похлопал ладонью по покрывалу, отображавшему в себе колорит китайской кухни в виде убиенного самураем змея. – Надеюсь, наш сырокопчёный вождь мирового пролетариата не совершал на ней с Надеждой Константиновной свои политические оргии? Говорят, он был вегетарианцем..– постоялец вопросительно взглянул на хозяина, – и исключал из своего меню женщин. К тому же запах женской плоти притупляет политические амбиции. Впрочем, всё равно: эта кровать для моего лакея.

Фунтик аккуратно сложил композицию из трёх пальцев и поднёс к носу дружка, что обнаруживало некоторые противоречия во взглядах господина и его холопа.

За окном из заблудшей тучки по жестяному отливу забарабанил дождь, выказывая меланхоличное настроение Всевышнего.

– Погоды здесь, однако, – без особого оптимизма заметил Жульдя-Бандя, выглядывая в окно.

Соломон виновато поднял брови, отчего глубина вспашки на его лбу стала более выразительной: мол, ведаю жилищно-коммунальными вопросами, а состояние атмосферы не в моей компетенции.

Заметим, что это была его любимая погода, гармонирующая с бесперспективной безотрадней старостью и одиночеством. С возрастом он стал отъявленным пессимистом, – презрительно, мрачно и безнадежно мирозерцающая вокруг.

Никому и никогда не случалось услышать от него доброго слова либо увидеть улыбку, которая бы озарила его пасмурное лицо. Любимым занятием старика было рассказывать о покойниках, в особенности, если те некогда были его родственниками.

Впрочем, солнце, выглянув в прогалину между тучами, горячим ярким ультрафиолетом обрызгало дома, бульвары, скверы, вонзившись в плечи и бледные лица людей.

Глава 6. Друзья осваивают «берлогу» старого Соломона

Остаток дня компаньоны провели в праздном бездействии, совокупляя пищу духовную с телесной: просматривали газеты, заполонённые ложью и всяческой бульварной чушью, убажывая при этом чрева пивом.

Жульдя-Бандя, сообразуясь с доктриной естественного отбора – «выживает сильнейший», завоевал царское ложе, оставив дружка влачить сон на пролетарской. Она, без сомнения, была удобнее нар, на которых Фунтик провёл почти треть своей сознательной жизни.

Одесский фармазон рухнул на кровать. Закинул ногу за ногу. Подмостил под спину подушку. Устало-жеманным аристократическим голоском промурлыкал: «Щас бы фанфурик вискасу... кралю...»

– Благоустроенные нары и Бормана, который будет читать вам сказки про девочку Машу, Иванушку-дурачка или Золушку...

Фунтик, криво улыбнулся, вспомнив начальника оперчасти Бормана из яснополянского «санатория» строгого режима, прихлебнул из горлышка пива. Потянул с тумбочки газету «Из рук в руки», углубляясь в её недра, принялся читать вслух:

– Тараканы и грызуны.

– Оптом и в розницу, – комментировал дружок, оставив на время эротический журнал с тощими девицами, во фривольных позах демонстрирующими свои мощи.

– Психолог.

– В собственном соку. Срок хранения: два года.

– Бабка. Не желаете бабку? – Фунтик пытливо уставился на дружка, шириною губ отображая величину язвительности.

– Не старше сорока, – согласился Жульдя-Бандя, ещё не сгубив воспоминаний о своих похождениях на крестьянской свадьбе в Беляевке.

– Ясновидящая Меланья, – Фунтик хихикнул, что предвещало какую-нибудь пакость.

– Жулик, ты бы отдался ясновидящей Меланье?!

Тот равнодушно пожал плечами, не находя принципиальной разницы между ясновидящими и остальными. Потом улыбнулся, вероятно, о чём-то вспомнив:

– Обманчив женский внешний вид, поскольку в нежной плоти хрупкой натура женская таит единство арфы с мясорубкой.

Фунтик хихикнул, продолжая:

– Устранение соперника или соперницы нетрадиционным способом. Телефон...

– Киллера.

– Тут написано – «нетрадиционным», – воспротивился Фунтик, продолжая. – Марьяна – привороты. Сложные случаи. Это как? – он отправил вопросительный взор на царское ложе.

– Шо тут непонятного?! Это, например, когда мальчик с мальчиком.

Друзья захохотали, раздражая старого Соломона, возраст которого отвергал присущие молодости азарт и оптимизм.

Фунтик прочёсывал заросли предложений по цивилизованному способу отъёма денег у граждан:

– Так... так... во! Сверхпохудение! Не желаете сверхпохудеть?

– Погребальные услуги за счёт заведения?

– За свой.

– Тогда не желаю, – Жульдя-Бандя обозначил это рукой, другою отхлебнув из горлышка пива.

– Жулик, я не врублюсь, – какого хрена мы сюда притархтели? – Фунтик, сменив тему, на время отложил журнал.

Дружок разверз пасть чемоданчика-дипломата из крокодиловой кожи. Принялся шарить за перегородкой. Отправил вопросительный взгляд на пролетарское ложе. Сознывая, что Фунтик, даже потенциально, не мог быть причастен к исчезновению записки, вытрусил содержимое на кровать. Проверил в карманах брюк. Отправил на шконку у окна на этот раз уже утвердительный взор.

– Малявы нету, – он без всякой надежды нырнул пальцами в кармашек футболки, – как сквозь землю провалилась, – принялся напряжённо вспоминать: – Скуридин Пётр... Алексеевич... А знаешь, Фунтик... – Жульдя-Бандя посмотрел на кореша, – это меня Степанида отвела...

– Степанида?! – Фунтик хихикнул, впервые услышав столь оригинальное женское имя.

– Бабка моя по отцу. Ей за девяносто, – Жульдя-Бандя молча принялся загибать пальцы, уточнив, – девяносто два. Её все боятся... как огня. Она ни в бога, ни в чёрта не верит. Даже дед Степан, бывало, шумнёт на Степаниду, так у него – или зуб...

Фунтик оборвал:

– Это твой что ли? – рассказчик утвердительно кивнул. – Дед Степан и бабка Степанида?

– Степан Иосифович – уже еси на небеси, – Жульдя-Бандя, разменяв четвёртый десяток, только сейчас с удивлением отметил, что не знает отчества родной бабки и никогда ни от кого его ранее не слышал.

– Степанида была богатая невеста: нанимали работников. А в вашей родословной были помещики?

– Почему были? Есть и сейчас, – Фунтик хихикнул. – Князь Юрий Поляков, – он обозначил себя рукой.

– Ветви генеалогического древа князей мира сего устремляются к звёздам, а пролетариев и колхозников – в навоз.

– Жулик, давай бомбанём упакованную фатеру! – оживился темпераментный, жаждущий действий южанин.

Жульдя-Бандя тяжело выдохнул, надувая щёки, как теряющая самообладание мамаша над корпящим над уравнением школяром:

– Вы, гражданин Поляков, типичный одесский жулик, но тута вам не там. Здесь вам не Одесса. Здесь вам культурный цивилизованный город – историческое наследие России. Здесь ваши бульдожьи манеры мирное население просто-напросто не поймёт, – Жульдя-Бандя вскрыл очередную бутылку «Ячменного колоса», дабы процесс просвещения не казался столь утомительным.

В нём проснулся философ:

– Сейчас это не модно. Время хамов, бандитов и хулиганов уходит в прошлое. Здесь люди желают быть ограбленными вежливо, красиво и интеллигентно: «Сударыня, извините, пожалуйста! Вы не могли бы одолжить мне содержимое вашей сумочки? А ещё – вот эти изумительные серёжки и колечко с бриллиантиком. Я подарю их маме на день рождения. Премного благодарен. Привет родителям. Всех вам благ, счастья, здоровья и т. д. и т. п.». Никакой суматохи. Никто не визжит: «Держи вора!» Всё культурненько. Никакой паники. Люди без особого сожаления расстаются со своим прошлым. Им даже немного жаль прощаться с такой порядочной высокоинтеллигентной сволочью...

Фунтик, в это время сделавший очередной глоток, прыснул, оросив «усыпальницу» пивным аэрозолем. Дружок, решив придать сказанному поэтической окраски, запел словами известного питерского барда:

– Пардон, мадам, снимите ж ваше ожерелье, ну-ну, не плачьте, я ж вас до смерти жалею! Снимите ж, будьте так добры, вас умоляю, прошу учесть, шо два раза не повторяю...

Смех снова нарушил патриархальную тишину утлого жилища старого еврея.

– Так вы, гражданин Поляков, предлагаете бомбануть хату? – Жульдя-Бандя с прокурорской строгостью взглянул на собеседника. – Упакованные хаты сегодня как минимум снабжены сигнализацией и видеокамерами. И этот крохотный огрызок человеческого гения мгновенно зафиксирует вашу глупую рожу на плёнку, которая будет служить основным аргументом для изоляции вас от деградирующего общества. Общество..– он предупредительно возвысил указующий перст, – не любит дураков...

– Дюже умных, кстати, оно тоже не любит, – вполне логично заметил Фунтик, разумея, естественно, дружка. Он вперил взгляд в глобус на тумбочке, у изголовья, изучающе, стал вращать его то в одну, то в другую сторону, будто подыскивая место для эмиграции...

– Вы не читали «Гарики на каждый день»? – Жульдя-Бандя отправил на модернизированный топчан вопросительный взгляд, зная наверняка, что тот не читал: – «Не в силах жить я коллективно, по воле яростного рока: мне с идиотами противно, а среди умных – одиноко». Вполне с вами согласен, дитя моё, но смею заметить, что умных оно вынуждено терпеть, поскольку умные нынче относятся к исчезающему подвиду. К сожалению, сударь, вам никогда не удастся переступить эту тонкую грань.

– Это ж почему же? – совершенно искренне поинтересовался обладатель пролетарского ложа.

– Если ты не поумнел до сорока, то вероятность того, что ты вообще когда-нибудь поумнеешь – катастрофически мала, – Жульдя-Бандя натрудил лицо умом, что предвещало очередную тираду. – Фунтик, вероятно, вы не читали роман «Двенадцать табуреток» великого советского еврея Ильи Арнольдовича Файнзильберга и простого советского парня Евгения Катаева?. Не читали.

– По кино смотрели, – педерастическим голосом пропел тот, отправив на княжеское ложе жалящий ядовитый взгляд.

– Вам это нэпонятно и нэинтэрэсно. Потому что там – ни одного слова по фене, – кореш укоризненно покачал головой и, приготовившись цитировать, направил победоносный взор в сторону рабоче-крестьянской «усыпальницы»: – «Клавдия Ивановна была глупа, и её преклонный возраст не позволял надеяться на то, что она когда-нибудь поумнеет...»

Фунтик, уже научившийся сносить поддёрки своего темпераментного дружка, равнодушно отхлебнул из горлышка пива....

Глава 7. Знакомство с городом

Утром друзья в ближайшем переходе метро приобрели красную корочку МВД СССР с оттиснутым золотистым пролетарским гербом, в геополитических войнах начинавшим утрачивать свою историческую сущность.

– А заполнить?! – Фунтик удивлённо посмотрел на товарища, схоронившего документ в заднем кармане брюк.

– Вы хотите вписать свою фамилию, чтобы пополнить обвинительное заключение дополнительной статьёй о подделке документов?

– Зачем свою – вашу! – ловко отпарировал Фунтик, осознав свою оплошность.

– Обманывать нехорошо. Разве тебе в детстве не говорила об этом мама?! – Жюльдя-Бандя пытливо уставился на компаньона, зная, что маму в детстве ему заменял воспитатель интерната для трудных подростков.

Друзья сели в первый попавшийся троллейбус и сошли на одиннадцатой остановке. Эта цифра, по мнению Жюльди-Банди, приносила удачу. Как мы уже замечали ранее – одиннадцатого числа марта месяца, тридцатью тремя годами раньше, произошло историческое событие молекулярного масштаба. В этот светлый весенний день случилось его торжественное явление народу, хотя народу, мягко говоря, было маловато для этого: акушерка, медсестра и, собственно, самая виновница торжества.

– С поднятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые (А. Пушкин), – констатировал Жюльдя-Бандя, заметив у входа в здание гранитных львов, которые, впрочем, безмятежно лежали, выставив впереди себя лапы. Позади них – витые колонны с капителью, с претензией на барокко. – Каменные джунгли цивилизации! Архитектурное насилие человека над природой! В один прекрасный солнечный день, как это ни прискорбно, всё это великолепие поглотит ненасытный Апокалипсис. Вашу грешную душу он поглотит с не меньшим удовольствием.

Фунтик хихикнул, уронив на философа язвительный взгляд:

– А вашу – без удовольствия?

– Я буду оставлен до второго пришествия Христа в качестве временно исполняющего обязанности Адама.

– А может, тебя оставят исполнять обязанности и Евы?! – Фунтик захохотал искренне, открыто и честно, пугая простуженных сырыми ветрами Гольфстрима аборигенов.

Проходя мимо, петербуржцы завистливо улыбались, не сомневаясь нисколько в инородном происхождении весельчаков, поскольку жители Северной Венеции, с их аристократическими манерами и патриархальным укладом жизни, в этом многомиллионном муравейнике открыто предаваться эмоциям просто-напросто не умеют.

Друзья шли, любуясь успехами колонизации природы человеком.

– Молодые люди, купите зажигалку! – седой старичок за лотком с зажигалками для затравки щёлкнул одной из них, похожей на пистолет.

Фунтик купил безделушку, капитализируя собственное тщеславие.

– Фунтик, а ты бывал раньше в Питере?! – тот равнодушно покрутил головой. – Грустно, Дуся. Если бы не я – ты бы так никогда и не увидел всего этого великолепия, – Жюльдя-Бандя театрално объял великолепие рукой. – Этот величавый, строгий, загадочный и удивительный город, кстати, – он возвысил указательный палец, – самый северный в мире город-миллионник. Я тебе его покажу!

Фунтик, которому было глубоко наплевать на всё это великолепие, с кислой физиономией сел в трамвай со своим взбалмошным другом, потом в автобус, не сомневаясь ни на минуту в том, что тот непременно отыщет на свою задницу приключений.

Великолепие закончилось. Окраина города ничем не отличалась от окраин тысяч других городов: безвкусно, бестолково, безыдейно и без какой-либо изюминки – районы, напичканные высотными железобетонными коробками.

Фунтику захотелось домой, в Одессу, где тёплые добродушные улыбки на лицах южан, где миллион народу, но никто никуда не торопится, где соседка Люсия Платоновна, этажом ниже, которую в народе называли Амброзия: бальзаковского возраста, полная, неопрятная, но языкатая, – не давала никому прохода.

– Фунтик, – она непременно останавливала его, всегда задавая один и тот же вопрос: – Ви, случайно, не на габоту? – Фунтик честно крутил головой. – И шо, за вами тюгма ещё не плачет?

Особенно она любила встречать его у подъезда с авоськами спиртного:

– Фунтик, шо мы пгазнуем сегодня отмечать? День гождения?! Но ви же пгазновали его зимой?! Ви думаете об випить, но об габотать ви думать не хотите. Шо за стгана – кто не габотает, тот ест, а кто габотает – голодует...

Тут друзья увидели, как в недрах котлована строящегося дома, на фундаментном блоке, трое пьяных пролетариев о чём-то бурно спорили. Один из них, молодой, в синем спортивном костюме, что-то доказывал оппонентам, в качестве оружия применив порожнюю бутылку портвейна. Он угрожающе размахивал ею, что, впрочем, не вызывало должного эффекта у собутыльников.

Жульдя-Бандя, кивнув в сторону спорщиков, заметил:

– Когда заканчиваются аргументы – слово берёт бейсбольная бита.

В это время тот, который был явно старше, опытней и, судя по наколкам на руках, прошедший через лагеря, возможно, не одну ходку, вскинул перед лицом героя лезвие финки.

– Шухер, менты! – истошно закричал Фунтик, в одно мгновение охладив пыл спорщиков.

Те бросились врассыпную, оставив после себя недопитую бутылку портвейна и недоеденный сырок «Дружба»....

Глава 8. Первые дивиденды от кровавого цвета корочки

– Фунтик, ты видишь щё я вижю? – на одесско-воровском наречии обратился к корешу Жульдя-Бандя.

Фунтик, осмотревшись, не увидел, кого можно было бы обворовать или ограбить, и, крутя головой, равнодушно пожал плечами. Невдалеке, у дороги – две огромные пирамиды бахчевых: в одной – арбузы, в другой – дыни. Бледно-бежевые тушки больше походили на мячи для регби.

Товарищ уверенной походкой направился к рукотворным пирамидам, выказывая намерение начать трудовую деятельность в северной столице именно отсюда. Он переменялся в лице, навевая на себя строгости трамвайного кондуктора, изобличившего в пассажире настоящего «зайца».

На ящике – улыбчивый чернявый кавказец тяготился в ожидании очередных покупателей. Его грудь была мохнатая, как шкура ягнёнка. Он монотонно и заученно, как поп на заутрене, провозглашал:

– Арбузы, дыни – дешёво. Слаткие, как первая любовь – лучше не найдёшь! Патхады, пакупай. Тают во рту, а не в руках. Слаще мёда, вкуснее персика!

Жульдя-Бандя без предисловий, дабы не тратить попусту время, сунул ему под нос корочку, сухо уведомив:

– Вэ-Дэ-эН-Ха.

Грозный квартет согласных поверг в шок торговца, и его улыбка тотчас стала жалкой и уродливой. Он подхватил самый большой арбуз:

– Вазми, дарагой. Нэ вазьмёшь – абидишь.

Жульдя-Бандя холодно и сурово посмотрел на торговца.

«Сто рублей – не меньше», – подумал тот, возлагая овощ на прежнее место.

– Ваши документы?! – вмешался Фунтик, коему впервые в жизни приходилось грабить без применения спецсредств или насилия.

– Так... так... Мамед... кули... заде, – Жульдя-Бандя с трудом прочитал фамилию торговца, – Джамал Асадулла оглы. – «Чёрт ногу сломит», – подумал он, наступив на ступню Фунтику, который, растянув губы, с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Торговец утвердительно кивнул, наивно рассчитывая на завершение следствия.

– Та-ак... Азербайджан... Али-Байрамлы... – ни один мускул не дрогнул на лице нашего героя, поскольку он не ведал о зловключениях Файзуллы, – почти земляк.

– Землак, земляк! – кивая, подтвердил торговец, уповая на снисхождение.

Тут подошла женщина средних лет, с авоськой в руках:

– Почём дыни?! Арбузы сладкие?

Жульдя-Бандя сунул ей корочку в лицо, грозно предупреждая:

– Товар конфискован! – женщина спешила, не выказывая желаний стать понятой.

Азербайджанец позеленел от страха, чувствуя за этим словом что-то недоброе.

– Так-с, пойдём дальше, – товарную накладную, сертификаты качества, разрешение на торговлю, в общем – всю документацию! – «инспектор» распростёр перед «землаком» ладонь.

Кавказец протянул изрядно потрёпанный лист с расплывшимися от влаги чернилами, мысленно прибавив ещё сотню.

– Сертификат качества – форма номер два, а где форма номер семь? Я спрашиваю, где форма номер семь? Где ветеринарное свидетельство?! – Жульдя-Бандя накинулся на торговца, как учительница на двоечника, отчего лоб последнего покрылся испариной.

Он даже не почувствовал, как Фунтик незаметно толкнул его локтем в бок, когда тот потребовал ветеринарное свидетельство. Впрочем, этого не понял и торговец, оправдываясь:

– Такой даль, другой не даль.

Жульдю-Бандю понесло. Он набросился на свою жертву как спрут, безжалостно сжимая щупальца.

– А может, ваши дыни фригидные?! Может или нет?! – последнее он отправил Фунтику, который, подтверждая, кивнул, не имея ни малейшего понятия, что это такое.

– Абижяешь, начальник. Зачем фригидные?! Вкусные, сочные, слаткие! – торговец кинулся к ножу, чтобы убедить в этом строптивного инспектора. – Мая мама кушаль, май дэты кушаль, я... – он обозначил себя рукой, – кушаль, – азербайджанец принялся судорожно разрезать дыню, – папробуй!

Жульдя-Бандя сурово отверг угощение, не желая размениваться на подачки.

– Может, ваши арбузы заражены юдафобией?! А эта болезнь неизлечима.

– А если заразятся дети?! – вмешался Фунтик, сказав это в такой жалостливо-сочувствующей тональности, будто какая-то часть из них уже подверглась инфицированию. Он, укоряя себя за то, что некогда отметил пальцы правой руки наколками, прикрывал их ладонью левой, радуясь тому, что не наколол на обеих.

– Нету, брат... этой... юбафодии.

– Так, стоп! Покажи мне санитарную книжку! – инспектор перешёл на «ты», что добра не сулило, и торговец мысленно присовокупил полсотни к ранее прибавленным.

– Дима сказал: «Таргуй, Джамал, праблем нету, Джамал!»

– Какой Дима?!

– Каптан милисья.

– Какая милиция, я же сказал, Вэ Дэ эН Ха! – Жульдя-Бандя снова поднёс корочку к носу торгаша. – Где санкнижка?! Я хочу видеть санкнижку!

Кавказец развёл руками.

– Санкнижки нету!. Может, у тебя демонократия или, не приведи Господь, ностальгия? Ты хочешь заразить ни в чём не повинных людей ностальгией?! Так... – инспектор загнул мизинец. – Товарно-транспортная накладная – нету. Разрешение на торговлю – нету...

– Дима, каптан милисья, сказал: «Таргуй, Джамал», – чуть не плача, лепетал, оправдываясь, азербайджанец.

– Санкнижки нету!

– Регистрация, – напомнил Фунтик, усугубив обвинение.

– Регистрация есть?! – Жульдя-Бандя был похож уже не на учительницу, а на прокурора, обличающего преступника. – Откуда ты взял эти дыни?

– Сам, на земля, своим руком пасадиль!

– Где?!

– На дома, на Азербайджан, на Али-Байрамлы пасадиль, своим руком! – Джамал предъявил ладони, не познавшие сельхозтруда.

– Каким образом ты мог вырастить в Азербайджане узбекские дыни?! Так, всё – товар конфисковываем!

– Арбузы конфискованы! – предупредил он невысокую смазливую блондинку, причем, для вас можно сделать исключение, – выбрав огромную, на полпуда, дыню, водрузил в слабые изнеженные ручки. – Не стоит благодарности.

– Забрай не нада! – взмолился торговец. Он вынул из кармана рубашки сложенные пополам червонцы, трясущимися руками передал их инспектору.

Жульдя-Бандя знал, что торговцы крупные купюры держат отдельно, и с холодным равнодушием дожидался добавки.

Азербайджанец, неохотно задрал штанину, извлёк из-под резинки носков свёрнутые рулетом четвертные, намереваясь добавить несколько ассигнаций. Он хотел для этой цели развернуть брикетик, но инспектор, дабы не утруждать торговца бессмысленными манипуляциями, с нахальной вежливостью, чему, заметим, и учил своего бескультурного компаньона, тремя пальцами извлёк брикетик, схоронив его в заднем кармане брюк.

Не утратив, однако, человеческих качеств, несмотря на пожирающие современное общество бессердечие, безразличие и бесчувственность, вернул червонцы обратно, напутствуя напоследок:

– Весы нужно приобрести нормальные. Безмен пригоден только для бытовых нужд. Удачной торговли.

Торговец пробулькал что-то глухим трубным голосом. Провожая «инспекторов» кисло-молочным взглядом, на безопасном расстоянии, в пылу праведного гнева, посвятил им объёмную тираду на смешанном русско-азербайджанском, в которой превалировали всё же русские общеупотребительные слова.

Глава 9. Знакомство с Питером продолжается

– Триста пятьдесят рупий! – воскликнул Фунтик, пересчитав деньги. – За десять минут. Лихо ты развёл хачика!

Жульдя-Бандя, не выказывая эмоций, будто всего-навсего перешёл на красный свет светофора, поучал:

– Учись, пока я жив. Всевозрастающая популяция дураков провоцирует увеличение численности мошенников.

– Погнали на рынок, там азеров – во! – возбуждённый Фунтик протянул ребром ладони ниже подбородка, в уме подсчитывая дивиденды.

Экс-инспектор посмотрел на дружка, не скрывая подозрения:

– Вы осёл, гражданин Поляков. Мне присутствие на собственных похоронах в качестве покойника не кажется столь уж забавным.

Фунтик хихикнул, вполне разделяя с дружком его точку зрения.

Жульдя-Бандя продолжил развивать тему:

– Рынки крышуют менты, а они вряд ли обрадуются вторжению на свою вотчину беспардонных отъявленных хамов. Рынки, изначально открытые с тем, чтобы кормить народ, утратили свою историческую сущность. Теперь они кормят мафию, и утверждение о том, что цены определяет рынок, – не больше чем профанация и лапша на уши доверчивым идиотам. Цены, дитя моё, устанавливает мафия! – торжественно заключил философ и, пригрозив мафии пальцем, запел: – А на происки и бредни сети есть у нас и бредни (В. Высоцкий)...

В мажорном настроении гастролёры спустились в подземку и, миновав несколько остановок, вынырнули на станции «Владимирской», с доблестью носившей имя одного из них.

Неподалёку от газетного киоска пьяный пролетарий обнимал фонарный столб, с гордостью неся историческую классовую сущность.

– С душою, полной сожаленья, и опершись на гранит, стоял задумчиво Евгений (А. Пушкин), – проходя мимо, обратил ничем не примечательный, обыденный житейский сюжет в мягкое лирическое отступление Жульдя-Бандя. – У меня такое подозрение, что это млекопитающее никогда не станет философом.

– Ну, конечно, – согласился Фунтик, саркастически хмыкнув в сторону уже состоявшегося.

– Девушка, а у вас «Правда» есть? – проникнув головой в амбразуру газетного киоска, осведомился правдоискатель.

Смазливая, с наивной мордашкой, более походившая на старшекласницу киоскёрша хитро улыбнулась:

– «Правды» нет.

– Правды нет, «Россия» продана. Тогда сканвордики несложные для моего друга, чтобы у него не было повода менять с годами сложившегося о себе мнения.

Девушка, не утратившая в холодном северном городе чувства юмора, подала «Почемучки» для дошкольников.

Жульдя-Бандя улыбнулся, рукою отвергая детские головоломки:

– Я боюсь, чтобы он не возгордился. С вашего позволения, на уровень выше – «Зятёк», например, к тому же он в этой должности значительно преуспел...

– Зятя? – девственно-очаровательная улыбка заполонила бледное личико аборигенки.

– Вот именно. Его вынуждена терпеть уже пятая тёща, и он, можно сказать, застуженный зять Советского Союза.

Подавая «Зятяка», киоскёрша привстала, выглядывая в амбразуру, чтобы лицезреть «застуженного зятя».

– О, туалетная бумага! – Жульдя-Бандя ткнул пальцем в розовый рулончик за стеклом входящей в гигиеническую моду туалетной бумаги. В берлоге старого Соломона, по старинке, были нарезаны квадратики из газет – основное их предназначение после прочтения.

– Импортная, маде ин Германия! – торжественно предупредила девица. – Три рубля рулон.

– Дайте рулончик... нет, два! – превозмогая скромность, гуттаперчевый покупатель выкинул средний с указательным пальцы на правой руке. – Гулять, так гулять!

Киоскёрша, хихикнув, спросила: «В руках понесёте?»

– Ну и пакет, конечно же.

– С Майклом Джексонном или с Мерлин Монро?

Покупатель одарил девицу майской улыбкой, хотя на дворе уже владычествовал июнь:

– С Мурлен Мурло, естественно. Я что, похож на голубого?

Киоскёрша, хихикая, протянула пакет со светловолосой красавицей, отметив: – Теперь вы похожи на некрофила.

Мэрилин Монро, заметим, имела неосторожность отправиться к прародителям более четверти века назад.

– Тогда всё-таки с Майклом Джексонном! – окончательно решил Жульдя-Бандя, поскольку было престижнее состоять в сообществе геев, нежели некрофилов...

Фунтик, не обращая ни малейшего внимания на болтовню своего товарища, увлечённо разглядывал выгуливаемую рыжим пекинесом пухленькую брюнетку, коротенькая юбка которой подчёркивала, что та уже готова к спариванию.

– Закадрим?! – больше надеясь на друга, нежели на себя, предложил Фунтик.

– Первым делом, первым делом самолёты, ну а девушки, а девушки потом (А. Фатьянов)...

Фунтик разочарованно процедил сквозь верхние резцы воздух, вывернув при этом голову:

– Сэсклюзивная тёлка!

– Чем короче юбка, тем длиннее за ней очередь сексуально озабоченных самцов, – вполне логично заметил Жульдя-Бандя.

– Реклама – двигатель прогресса, – Фунтик кивнул в сторону пёстрой неоновой кириллицы «Интим-магазин для взрослых».

– Двигателем прогресса были, есть и будут дураки, которые в неё верят, – Жульдя-Бандя высокопарно посмотрел на одного из представителей этого подвида человечества.

Друзья, окунувшись в подземный переход, вынырнули возле кафе, в котором две девицы, будто бы нечаянно, угнездились у витрины для демонстрации себя потенциальным воздыхателям.

Жульдя-Бандя помотылял в воздухе пальчиками. Девицы помотыляли в ответ, отчего с уверенностью можно было отнести их к провинциалкам, поскольку аборигенки слишком гордые, чтобы клевать на такую дешёвую наживку.

– Фунтик, фу, стоять, Зорька! – у самой двери остановил друга Жульдя-Бандя.

– А шо ж ты тогда клешнями махал?! – неохотно повиновался тот, настроившись на очередное романтическое приключение.

Друзья, не выбирая направления, шли, куда глаза глядят, оказавшись вскоре на берегу Фонтанки. Остановившись у моста, решили почтить его своим переходом.

На другой стороне одноногий воин-интернационалист в форме десантника, сидя на табурете, бұхал пальцами по струнам дешёвенькой гитары, прося милостыню. Для этой цели был приспособлен солдатский котелок, служивший своего рода реквизитом.

Инструментальный монолог он сопровождал вокалом в патриотической тональности, с лёгкой проседью завядшей на чьей-то могиле флоры. Действие, вероятнее всего, происходило в Афганистане, потому что в песне упоминались Кандагар, талибы и разведрота.

Тронутый до глубины души Фунтик опустил в жертвенник червонец, чем позабавил кореша, который знал наверняка о том, что в 99 случаях из 100 просители милостыни в ней не нуждаются. Возможно, одесского урку растрогало то, что и он мог бы стать разведчиком и погибнуть героем, если бы в это же самое время не был узником яснополянского «санатория» строгого режима.

– Милостыня – одна из форм цинизма, независимо от того – просишь ты её или подаёшь, поскольку она притупляет в человеке инстинкт самосохранения, – Жюльдя-Бандя с высокомерным ехидством бросил взгляд на необразованного товарища. – Сложно себе представить, что доставляет большее отвращение – подавать или просить милостыню.

Глава 10. Чудесное превращение одесского фармазона в биржевого маклера

Шествуя по Гороховой, Жульдя-Бандя в разрезе белых ажурных занавесей увидел привлекательную парикмахершу, колдовавшую над головой какого-то пижона. Запустив пятерню в волосы, пробороновал клешней от правого виска к затылку. Хирургического вмешательства не требовалось.

– Стоп! – скомандовал он, придиричливо осматривая причёску друга. – Вам нужно срочно поменять имидж. Сейчас мы из одесского фармазона сделаем нечто экзотическое – торгового менеджера, биржевого маклера или, на худой конец, страхового агента. Люди с большей радостью отдадут свои сбережения страховым агентам, нежели мошенникам. Хотя их отличает только то, что страховые агенты грабят людей цивилизованно и, замечу, – Жульдя-Бандя воскресил указательный палец, – честно платят с нагребленного налога.

Он бесцеремонно втокнул дружка в парикмахерскую. В фойе, на тумбочке возле двери женского зала зелёный попугайчик долбил клювом дверцу клетки, по-видимому, с намерением обрести свободу.

– Уровень свободы зависит от ширины камеры, – констатировал Жульдя-Бандя и, заглядывая в проём двери мужского зала, спросил: – Девочки, вы не могли бы сделать из этого примата человека?! – он, улыбаясь, кивнул в сторону Фунтика.

– Прошу, я как раз на этом специализируюсь, – пригласила в свободное кресло шатенка со всклокоченными, как после пожара, волосами.

– Впрочем, достаточно будет привести его голову в порядок.

– О, это к психиатру. Как стричь? – парикмахерша обратилась почему-то к Жульде-Банде, будто тот привёл малолетнего сына.

Фунтик кивнул на фотографию напротив, над зеркалами. Его тут же запеленали под самое горло нейлоновой накидкой.

– Гламурный подонок. Он продаст родину за три рубля, – Жульдя-Бандя презрительным взглядом окинул фото холёного юноши с зачёсанными назад глянцевыми волосами.

– А ты за десять? – съехидничал Фунтик.

– Тысяч империалистических долларов! – гордо и торжественно уточнил поистине дороживший отчизной посетитель.

Синеволосая, стриженная под каре, с горбинкой на носу парикмахерша хихикнула, перестав щёлкать ножницами:

– Впервые вижу такого патриота. Я бы продала вполтину дешевле.

После небольшой дискуссии, а в ней участвовало пять человек, включая уборщицу, выяснилось, что родина своими сыновьями и дочерьми дорожит больше, чем они ею...

– ...Подушить? – закончив, поинтересовалась парикмахерша, опять почему-то обращаясь к Жульде-Банде.

– Не стоит. Он с детства плохо переносит, когда его душат, хотя его бедная мама с самого его рождения именно это и хотела сделать.

– В таком случае, получите своего человека. С вас 12 рублей, – снимая с Фунтика балахон, вынесла приговор парикмахерша.

– Глубокое вам мерси! Родина вас не забудет... но и не вспомнит! – Жульдя-Бандя, улыбаясь, провёл ладошкой по макушке товарища. – Как юбилейная копейка! Человек – ничего не скажешь, а час назад был сволочью.

Фунтик глупо улыбался, начиная привыкать к бесконечным поддѣвкам взбалмошного друга. Работниц соцкультбыта забавлял молодой симпатичный весельчак, и они с удовольствием подыгрывали.

– Жених на выданье.

– Только неподушенный.

– Он женоненавистник. После того как разменял четвёртую тѣщу, он проникся здоровым презрением и к их дочерям...

– А ты?! – парикмахерша, сотворившая из Фунтика человека, искрящимися глазками взидала на остряка.

Тот виновато развёл руками:

– Увы, я женщин люблю. Особенно мне нравятся...

– Заливные? – уборщица прыснула, увлекая за собой коллег.

– В собственном соку, – признался посетитель, пронизывая её двусмысленным взглядом.

– Девочки, будьте красивы назло подругам и опасайтесь комплиментов от таких вот хамов, – Жульдя-Бандя кивнул в сторону разглядывающего себя в зеркале Фунтика.

– Непременно, – пообещала уборщица, крупный нос которой, с круглыми разлатыми ноздрями, настолько обезобразил лицо, что наставления применительно к ней были явно преувеличены.

– Гуд бай! – Фунтик в одночасье превратился из примата в человека, к тому же со знанием английского. Впрочем, знания на этом и ограничивались. Он помахал пальчиками: чудно и эротично, веером, начиная с мизинца и заканчивая указательным, как прощаются закоренелые любовники и влюбленные без стажа, ещё не познавшие горечи разочарований.

Парикмахерша, на голове которой были отображены последствия взрыва царь-бомбы, взъерошивая с правой стороны волосы, где, по её мнению, состояние прически с трудом дотягивало до локального конфликта, свободной рукой отправила воздушный поцелуй:

– Чао, мальчики! Берегите...

– Яйца, – ловко вставила уборщица, чья провинциальная посредственность несколько резонировала с праведным укладом северной столицы, что искренне забавляло молодых задорных служительниц соцкультбыта, судя по расценкам, правда, начинающего утрачивать свою социальную направленность.

Глава 11. Фунтик отдаёт дань профессии

Судьба вновь вытолкнула друзей на кишашие людьми улицы. Вкусивший бесплатного сыра Фунтик, не желая покидать жарких объятий фортуны, жаждал деятельности. Он кивнул на сумочку с открытым жерлом в руках подчёркнуто-модной, с истекающим сроком годности дамочки.

Жульдя-Бандя брезгливо отверг предложение, поучительно внушая:

– Фунтик, разве вас не учили в школе, что грабить бедных женщин – крайне неинтеллигентно? В светском обществе не принято грабить даже мужчин. Для этого придумали всевозможные лотереи или, например, – он указал на рекламный щит казино «Версаль» на противоположной стороне дороги, – извольте, чистота, уют, мраморные колонны с коринфскими капителями, мужской скриптись, поскольку женским человечество уже пресытилось...

– Я не пресытился, – Фунтик растянул губы, упоенный блаженными воспоминаниями канкана в исполнении полуобнажённых девиц из варьете ресторана «Бернардацци» в Одессе, на улице Розы Люксембург...

Нет в мире ресторана с более насыщенной биографией, чем «Бернардацци». После своего рождения он воспитывался на Полицейской площади, отрочество провёл на улице Кондратенко, молодость прошла на улице Розы Люксембург. В промежутке, когда Одесса принадлежала венгерскому королевству, – успел пожить на улице 16 октября 1941 г. Свой столетний юбилей «Бернардацци» праздновал уже на Бунина...

– ...Вы, мой юный друг, не можете представлять всё человечество, потому что вы типичный пижон и одесский карманник...

Фунтик язвительно усмехнулся:

– Чья бы корова мычала.

Дружок с прокурорской строгостью посмотрел на товарища:

– Вас, гражданин Фунт, я попросил бы впредь меня не перебивать. Вы испоганили своими комментариями арьергардную часть моего философского монолога... Так вот – вас не грабят, как в американском боевике, и не проводят хирургического вмешательства в ваши органы, с тем чтобы узнать, где вы прячете кубышку с драгоценностями, акции городской муниципальной бани или центрального городского кладбища. У вас отнимают и кубышку, и акции, и раздевают до трусов – цивилизованно и благородно и, смею заметить, честно платят в казну, чтобы содержать сирот, кото...

Фунтик, не выпускавший из виду дамочку, рванулся вперед, предав забвению философские потуги товарища. Та, купив с лотка глянецвый журнал, перелистывая на ходу страницы, стала погружаться в чрево подземного перехода, к станции метро. Одесскому фармазону в толчее не составляло труда изъять портмоне таинственной незнакомки.

Жульдя-Бандя, мысленно обозвав кореша идиотом, подождал около десяти минут, нисколько не сомневаясь в том, что грозная Фемида уже занесла над ним свой меч. Собрался было уходить, но тот появился, и друзья, сев в троллейбус, вскоре сошли, оказавшись неподалёку от Дворцовой площади. Всё вокруг давило гранитной монументальностью.

У входа в здание – то ли гостиницы, то ли ресторана, Жульдя-Бандя увидел швейцара, как две капли воды похожего на Степаныча из «Гамбринуса». Впрочем, это было сомнительное сходство, лишь по внешнему признаку.

И хотя швейцары в демонократических вихрях были истреблены как класс, в серьёзных заведениях: гостиницах и ресторанах, они подавались к аристократическому столу как дежурное блюдо.

Швейцар больше напоминал адъютанта его превосходительства, которых, заметим, тоже изжили как класс, заменив чиновниками, да и холопов, чего греха таить, стали обзывать гражданами.

Жульдя-Бандя, как старому знакомому, сделал швейцару ручкой, крайне удивив Фунтика. Швейцар наклоном головы ответил на приветствие, терзаясь вопросом относительно его родителя.

– Степаныч, – как-то нейтрально, будто ни о чём, пояснил Жульдя-Бандя.

– Чё, в натуре – кореш?

– Друг детства...

Позорно обозвав Зимний дворец Петропавловской крепостью, Жульдя-Бандя повёл дружка к Александровской колонне, с ограждения которой туристы, в качестве сувениров, снимали декоративные пики, отчего последнее местами походило на общипанную курицу.

Группа передовиков производства из Бурятии благоговейно внимала молодой девице-гиду с белой указочкой в руках. Она, начертав в воздухе внушительный полукруг, фразой: «Перед нами, товарищи, Зимний дворец», – вернула ему историческое название.

Завидев пополнение среди экскурсантов, улыбнулась, монотонно и безразлично уточнив: «Зимний дворец был построен для императора Петра Первого в 1708 году архитектором Доменико Трезини и первоначально носил название – «Зимние маленькие хоромы»...

Глава 12. Культурно-массовое мероприятие. Друзья отправляются на экскурсию в Петергоф

Жульдя-Бандя уловил в улыбке молоденькой девицы-экскурсовода нечто личное. Однако подобраться к необласканной солнцем и комплиментами аборигенке под ревностными взглядами передовиков производства, охранявших своего гида, было крайне сложно.

Отложив в закрома памяти, что дедушкой Зимнего дворца был Доменико Трезини, а отцом – Варфоломей Растрелли, который был Варфоломеем не более чем Паганини – Дормидонтом, наш герой, не привыкший капитулировать перед обстоятельствами, решил закадрить смазливую питерчанку, в неменьшей степени, чтобы пополнить биографию очередной интрижкой.

Окончательно влившись в компанию передовиков, нисколько не опасаясь, опылившись, стать на путь праведного исцеления, друзья сели в старенький икарус, на удивление, резво доставивший экскурсантов в Петергоф, – загородную резиденцию российских монархов.

Фунтик сразу же отметил: схоронившись в Нижнем парке за каменной кельей, рядом с Финским заливом, оросил подножие вековой ели. Причём сделал это с творческим подходом, как провинциальный пижон, оставив на песке историческую подпись в виде 32-й буквы кириллицы, ознаменовавшей его имя.

Дружок же культа из этого делать не стал, хладнокровно утопив изношенную плоть в холодных водах Балтики.

Монаршие апартаменты, утопающие в пошлой роскоши стилей, форм и жанров, быстро наскучили. И Жульдя-Бандя, с камнем на сердце оставив брюнетку-гида бурятским передовиком производства, влился с Фунтиком в группу китайцев, на огромном двухэтажном автобусе отъезжающих в город.

Азиаты, после некоторого замешательства, решили, что к ним внедрились агенты КГБ. Это предположение выдвинул гид-тайванец, пояснив, что русские агенты, игнорируя правила, стали работать в открытую. Китаец искренней восточной улыбкой смотрел на друзей. По-видимому, желая поделиться впечатлениями от царских палат, уступающих, разве что, хоромам китайских императоров, улыбаясь, изрёк:

– Оценя карасо.

Глаза его сузились до пределов, позволяющих с лёгкостью обвинить человека в субъективизме. Улыбнулся и Жульдя-Бандя и совершенно свободно выпалил:

– Жунхуа женьминь гунхэго!

Глаза гида-тайванца выкатились из глазниц, отчего тот, возможно, впервые в жизни ощутил всю глубину мировосприятия. Фунтик, чухая левую скулу, не скрывая удивления, силился понять содержание тирады, поразившей отъявленного китайца.

Жульдя-Бандя, честно признаться, был осведомлён в этом не больше, и в какой-то момент ему показалось, что он сказал что-то неприличное или глупое, хотя сие он почерпнул из далёкого детства, прочитав на одной из китайских марок, адаптированных под советских филателистов.

Знания восточных языков на этом не ограничивались, но он внутренне ощущал, что «монгол шуудан» имеет к китайцам такое же отношение, как «салам алейкум» к аборигенам Гваделупы.

Вскоре экскурсантов доставили к святым мощам легендарного крейсера «Аврора». Китайцы дружно десантировались на набережную Невы. Влекомые любопытством, недоумённо рассматривали утлое судёнышко, единственным выстрелом уничтожившее многовековую монархию.

– Железный фраер, – брезгливо поморщившись, определил Фунтик, сравнивая крейсер с современными эсминцами, швартовавшимися в порту Одессы.

– Бронированная утятница, – заключил Жульдя-Бандя, с укором заметив: – Чалдон ты, Фунтик. Закончил бы мореходку и давно уже был бы капитаном первого ранга.

Дружок хихикнул:

– В законе.

– Брюки-клёш на медной бляшке, в потной выцветшей тельняшке, – проза обрела поэтическую форму. – Это он, это он – наш одесский... – напрашивалось нехорошее слово из двух, оканчивающееся на «звон», но он всё же завершил иначе, – фармазон.

Жульдя-Бандя трагически оборвал повествование, не желая омрачать траурной торжественности политической панихиды по упокоенной на берегах Невы утятнице. Китайцы, выстроившись амфитеатром у трапа «Авроры», приготовились запечатлеть себя на фоне легендарного крейсера, сражавшегося в Корейском проливе с ненавистными самураями.

К ним примкнули Фунтик с Жульдей-Бандей, чему китайцы вовсе не противились. Те, дружелюбно улыбаясь, что-то лопотали по-своему, а один стал между ними, запечатлеть себя на фоне экзотических белых обезьян. Потом экскурсанты дружно хлынули на трап, чтобы поскорее оказаться на палубе наделавшего столько шума крейсера.

Глава 13. Поминальный обряд старого железного большевика

– Погнали? – Фунтик кивнул головой в противоположную сторону.

– А попрощаться?! – Жульдя-Бандя придал лицу подобающей скорби и, склонив главу над престарелой железной посудиной, надрывным голосом произнёс краткую панегирическую эпитафию: – Прощай, наш старый железный большевик. Пусть воды Невы тебе будут пухом, аминь!

Жульдя-Бандя осенил крестным знаменем крейсер, вероятно, благословляя, после семидесятилетнего забвения, на очередной выстрел, а может, на вечный покой до грядущего конца света.

Дружок, перехилившись через ограждение, равнодушно плюнул в синюю бездну Невы, воспеваемую вдохновлёнными поэтами. Фунтика поминальный обряд без причитающейся стопки не устраивал, и он опротестовал это, требуя христианского подхода к событию.

Друзья вышли дворами к Пеньковой улице.

– Ресторань «Амбасадорь», – прочитал Фунтик резную, золочёного цвета, из ценных пород дерева вывеску, покоившуюся под аркой центрального входа питейного заведения.

– Ресторан – это место, где удобнее всего выразить степень собственного тщеславия.

Фунтик хитровато улыбнулся:

– Может, и мы выразим?

– Тщеславие, дитя моё...

– Задрал ты уже меня своими дитями, – недовольно фыркнул Фунтик, колючим ежовым взглядом пронзив философа-самозванца.

– ...питается ассигнациями, – как ни в чём не бывало продолжал тот. – Боюсь, что после того, как мы в полной мере выразим величину этого самого тщеславия, нам придётся стоять на паперти, выпрашивая у бедных соотечественников милостыню...

В ближайшем магазине Фунтик на деньги, позаимствованные давеча у таинственной незнакомки, купил бутылку мадеры.

Друзья устроились на скамейке под разлапистой елью. Жульдя-Бандя, не без труда продавив вовнутрь шляпкой ржавого гвоздя пробку, стал разливать янтарного цвета жидкость в бумажные стаканчики.

– Пьём?! – перед ними стоял молоденький сержантик, на лице которого торжествовала улыбка, будто тот, как минимум, обезвредил агента 007. Фунтик, плохо переносивший блюстителей порядка, побледнел, с неподдельным страхом ожидая предъявления обвинения. Глаза его метались, как рысь в клетке.

– Сержант милиции Кочкин, – он неуклюже вскинул руку ладонью вперёд, к чему, пожалуй, больше бы подошло «Хайль Гитлер!» – Распитие спиртных напитков в общественном месте!

Фунтик облегчённо выдохнул, ожидая более суровой статьи, поскольку пожертвования таинственной незнакомки были отнюдь не добровольными и пересекались с одним из псалмов УК «Тайное хищение чужого имущества».

– Товарищ старший сержант! – Жульдя-Бандя, зная о врождённом тщеславии милиционеров, повысил его в звании. – Вот у друга пришлось усыпить кошку. Сошла, так сказать, с ума, – он покрутил у виска указательным пальцем. – Стала на мышей кидаться.

Сержант на секунду задумался, не в состоянии уловить открытого южного юмора. Потом взорвался, как пороховой склад, пожалуй, ещё больше нарушая общественный порядок.

Пользуясь случаем, Жульдя-Бандя воткнул ему в руку стаканчик с мадерой, конфискованный у Фунтика, призывая не стать безучастным к упокоившемуся животному. Сержант сначала категорически отказывался, сетуя на то, что при исполнении, однако, Жульдя-Бандя был настойчив, заявляя, что он с другом не в состоянии выразить всеобщей скорби по Мурке.

Блюститель порядка, который вчера ещё с друзьями пил по подворотням дешёвую портью, всё же сдался. Однако, чтобы не замарать чести мундира или, по крайней мере, замарать её не полностью, снял фуражку и, озираясь по сторонам, мощными глотками осушил стаканчик, крикнул и принялся жевать пластинку сыра, любезно предоставленную Фунтиком, который впервые в жизни общался с работником милиции без составления протокола.

Жульдя-Бандя налил теперь уже и корешу, а вместе с ним и сержанту, который, к слову сказать, был уже не на службе, и только форма вносила некоторый дискомфорт.

– Бог любит троицу, – напомнил он, наливая сержанту третью. Тот выпил и, прощаясь, порекомендовал переместить траур на Мичуринскую, где в тихих спокойных уютных двориках патрули появлялись крайне редко.

– За щё ж ви, тётя, так полюбили дядю, – пританцовывая, напевал Фунтик, чрезвычайно довольный благосклонностью к нему Всевышнего. – Гля, комсомолочки, – он кивнул в сторону щебечущих на скамейке старшеклассниц, одна из которых эротично облизывала шоколадное мороженое, другая, закинув ногу за ногу, что-то заговорщически шептала ей на ушко. – Поди, уже трахаются, – предположил он, ища союзничества в глазах товарища.

– Переходный возраст у девочек заканчивается в 14 лет, а у мальчиков – в 75, когда они начинают понимать, что это уже их последний переход.

Фунтик хихикнул, выражая полную солидарность в отношении 75-летних мальчиков....

Глава 14. Гастролеры знакомятся с Карлсоном, который живёт на крыше

Вняв совету сержанта, друзья прошли квартал. Обустроились в беседке для доминошников, мирно сожительствующих с представителями непрофильных специальностей – картёжниками и пьяницами, где последние доминировали, склоняя в свои ряды добропорядочных козлятников.

Из-за угла к беседке, прихрамывая на правую ногу, направлялся странный тип: в генеральских шароварах с лампасами, с кроссовкой на правой ноге и в скороходовском полуботинке на левой. Кроссовка была на несколько размеров больше: вероятно, из-за опухшей ступни.

На нём была шёлковая пёстрая цыганская рубаха с воланами и перламутровыми пуговицами, пришитыми накрест белыми нитками. Венчала гардероб ковбойская шляпа с кокардой, что придавало гостю ещё больше индивидуальности, экстравагантности и экспрессии.

– Что за нонконформистский стиль одежды? Какое чудное сочетание стилей! – восторженно встретил Жульдя-Бандя представителя высокой моды, теребя кружевную оборку рубахи. – Какое тонкое понимание природы бытия! – глядя на сочетание кроссовки со скороходовским полуботинком, восхищался он. – Сю, можно сказать, реализм! Это форма одежды или стиль жизни?

Фунтик тяжело вздохнул: крутя головой, выдохнул ещё тяжелее, надувая при этом губы. Он сознавал, что ближайшие четверть часа будут посвящены бродяге.

– Вы у кого одеваетесь – у Джанни Версаче?! – бродяга пожал плечами, силясь понять смысл вопроса. – У Джорджио Аmani?! – тот кивнул, предполагая за сотрудничество со следствием получить причитающуюся стопку. – Какая тонкая работа! Можно сказать – супер оригиналь. Чувствуется рука мастера, изваявшего такой замысловатый сюжет. Фунтик, так это же летняя коллекция Дома высокой моды Пьера Кардена! – Жульдя-Бандя шлёпнул дружка по предплечью и с неподдельным интересом стал осматривать одеяние пролетария.

Тот втянул сквозь верхние резцы воздух, покрутив головой окончательно.

– Это же доспехи времён доисторического материализма! Ты у нас просто авангардист-любитель, – он похлопал авангардиста по плечу. – Хочешь разделить с нами радость бытия? Выпить хочешь? – видя лёгкое замешательство на лице пришельца, пояснил Жульдя-Бандя.

Любитель, конечно же, хотел и, не раздумывая, приземлился на скамейку в ожидании радости, предоставляемой бытием.

Добрый дядя налил ему полстакана мадеры и, выкладывая закуску, положил перед ним ломоть куриной ветчины:

– Угощайся, будь как дома.

Авангардист жадными глотками осушил стакан, оставив на обветренных губах гляцевую плёнку. Янтарного цвета, лёгкая, пикантная, карамельно-орехового вкуса мадера показалась пролетарию компотом. Он по-свойски разломал ветчину на две части: жуя, равнодушно признался:

– У меня нет дома. Я живу на чердаке.

– Карлсон, который живёт на крыше? Оригинально! – Жульдя-Бандя налил по полному стакану, лишённый Карлсоном девственности пододвинул к Фунтику. Тот привстал, быстрым движением изъял нетронутый, оставив на столе лужицу.

– Сволочь красная! – в сердцах пожурил дружок и, придвинув стаканчик к авангардисту, сделал несколько глотков из горлышка.

Фунтик, не прельщённый запахом, исходившим от пролетария, переместился на самый край скамьи. Карлсон, блаженно улыбаясь, вылил содержимое стакана в рот и принялся за второй кусок ветчины, на который уже никто не претендовал.

– На крыше, стало быть, живёшь?! – Жульдя-Бандя незаметно моргнул товарищу.

Пришелец утвердительно кивнул:

– Меня так и называют – Карлсон.

– И правильно! – Жульдя-Бандя по-приятельски похлопал его по плечу. – Диогенствовать нынче стало невозможно, поскольку популяция бондарей сократилась до критического минимума, к тому же мировоззретье сверху – гораздо приятнее, – философ устремил взор куда-то в вечность. – Крыша, голуби, свобода слова, ощущение полёта – весь мир у твоих ног! Только на крыше можно постичь смысл жизни! – выдвинул он претендующую на долголетие гипотезу.

– В подвале тоже, – Карлсон криво улыбнулся, памятуя о начальной стадии этого постижения – в подвале старинного дома на Гороховой, где, по крайней мере, зимой было теплее.

Жульдю-Бандю, в отличие от друга, чрезвычайно веселил экстравагантный вид пролетария, чем-то схожий с беляевским Дон Кихотом. Нисколько не брезгуя букетом запахов, исходившим от него, стал разливать вино, начиная, конечно же, с дорогого гостя. Тот pokrutil головой, сделав такое страдальчески-брезгливое лицо, что силы воображения не доставало, чтобы понять причину отказа.

– Это же мадера! – со злостью прошипел Фунтик в сторону строптивного собутыльника.

– Компот, – равнодушно тряхнул рукой Карлсон, опыт которого вряд ли можно было бы подвергнуть сомнению, – лучше водочки.

– А может, коньяка?! – Фунтик позеленел от злости, готовый выкинуть привередливого авангардиста из беседки.

Тот утвердительно кивнул, не чуя поддёвки, поскольку человеческие эмоции разделял исключительно на две части: отрицательные, когда его бьют, и положительные, когда его не бьют. Поскольку его били чаще, за глупую наивность, которую почитали за издевательство, он находил в людях больше отрицательного.

Жульдя-Бандя, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, прикрыл ладошкой предательские губы:

– И сколько, сударь, вам нужно водки, чтобы почувствовать себя человеком?

Бродяга, ранее никогда об этом не задумывавшийся, погряз в сомнениях, чухая чёрными пальцами слипшиеся от грязи волосы на затылке:

– Пузырь..и чекушку, – спешно прибавил он, полагая, что одной бутылки для того, чтобы в полной мере ощутить себя человеком, будет явно недостаточно. – Маму с дочкой, – перевёл он с технического языка на народный.

– Боюсь, дитя моё, – Жульдя-Бандя по-отечески потерял нетронутые цивилизацией дикие заросли волос на голове обитателя чердаков и подвалов, – у вас от полутора бутылок водки начнётся обратный процесс. Впрочем, как знать....

Глава 15. Щедрый дядя

Карлсон улыбнулся, вполне разделяя сию точку зрения.

– Пошли!

– Куда? – пролетарий, опасаясь, что его побьют, а то и вовсе заставят бесплатно рыть траншеи, насторожился, утвердив мутный взор в глаза благодетеля.

– В гастроном, куда ж ещё?! – подбодрил Жульдя-Бандя, видя нерешительность Карлсона...

– ...Девушка, нам бы коньячка. Встретил друга детства, – Жульдя-Бандя по-свойски похлопал друга детства, вполонину старше себя, по плечу. – Двадцать лет не виделись.

Продавщица улыбнулась постоянному покупателю, ранее предпочитавшему исключительно дешёвую портюху.

– Торжественная встреча после двадцатилетней разлуки?

– Очень торжественная, – подтвердил щедрый покупатель.

– Вам какого и сколько?

– Семь звёздочек... – маму с дочкой! – сурово и возвышенно вынес приговор бродяга, чему вполне соответствовали генеральские шаровары с лампасами.

Продавщица прыснула. Отвернувшись, нагнулась, будто в поисках требуемого, заржала кобылицей, предательски сотрясая плечами.

– Остали-лись только вну-нучки, – она обернулась – красная, с размазанной по щекам тушью, сиюсь совладать с приступом смеха.

Пролетарий был невозмутимо холоден и серьёзен, что развеселило и друга детства.

– Тогда пятизвёздочную маму и... маму, – расщедрился пролетарий, с намерением, видимо, угостить своих новых друзей. – И что-нибудь пожрать.

Глаза его забегали по витринам, как мыши в лабазе от нашествия вечно голодных хозяйских котов. Казалось, что глаза его, как у хамелеона, каждый по отдельности, стали обозревать на триста градусов. С трудом сокрывая волнение, он выискивал на прилавках что-нибудь этакое, равноценное напитку, поскольку шанс повстречать в своей жизни столь щедрого соотечественника ещё раз – был один к ста тысячам.

– Колбаска свеженькая ливерная, хамса слабосолёная атлантическая, – издевалась продавщица, растянув в улыбке губы.

Карлсон, не обращая ни малейшего внимания на издёвки, ткнул пальцем в стекло витрины, где в прозрачной упаковке покоилась бледно-розовая плоть сёмги.

– Это... и брынзы... полкила, – вспомнил он о наличии в крови молдавских корней. – И этот, как его... и «Кэмэлу» пачку... нет, две... – поправился он. – И банку вот этих...

– Оливок?

Пролетарий кивнул, судорожно отыскивая на прилавках что-нибудь для гурманов, хотя гурман в нём ещё не родился, а был лишь в эмбриональном состоянии.

Жульдя-Бандя улыбнулся:

– А это у вас копчёная курочка?

– Петух, – продавщица хихикнула.

– Я надеюсь, он умер не своей смертью?

– Смертью героя.

– Заверните и обсчитайте, пожалуйста, – Жульдя-Бандя искренне опасался, что разохотившийся авангардист нанесёт серьёзный удар по бюджету.

– Непременно, – пообещала продавщица, лихо щёлкая по клавишам калькулятора. – Сто семнадцать рублей пятьдесят копеек.

– Ого! Я же просил обсчитать, а не ограбить! – воскликнул покупатель, в совершенстве владеющий приёмами сложения простейших чисел. – Я понимаю, что вам нужно кормить детей и мужа, и я даже готов пожертвовать на их содержание ну, например, червонец, но никак не двадцать семь рублей. К тому же у меня сегодня на иждивении друг детства, – он похлопал пролетария по плечу.

– Возмужал ваш друг детства, – съехидничала продавщица, выдавая сдачу, с вычетом пожертвованного на содержание мужа и детей червонца.

Глава 16. Пополнение в рядах «святой троицы». Знакомство с другом Карлсона – Ёжиком

Носитель высокой пролетарской моды взял бутылки за горлышки, этикетками наружу, в надежде, что кто-то из собутыльников встретится по пути и будет терзаться сомнениями о причине его столь стремительного взлёта.

– Минор, ты чё, банк ограбил? – к нему подошло заросшее существо в драных джинсах и жёлтой жёваной рубаше с оторванным на треть рукавом. Существо напрочь отвергало дарвиновскую теорию, где оппоненты могли с лёгкостью растоптать приверженцев силиконовой гипотезы, заявляя о том, что не человек произошёл от обезьяны, а она от него – путём устойчивой деградации и дегенерации последнего.

– Родственник приехал... из Сэ Шэ А, – в голосе пролетария появился оттенок дерзости, как у ступившего на первую ступеньку карьерной лестницы ефрейтора.

– Чо, в натуре из Сэ Шэ А?!

– Из Сэ Шэ А, – категорично подтвердил Карлсон, коего незнакомец обозвал всё же Минором. Он оставил на лице такую печать, будто родственники из США навещают его каждую неделю.

– Чё-то рожа у него – не как у Сэ Шэ А, – незнакомец потёр рукой под носом, не веруя, очевидно, рассказам Минора.

– Вот из ё нейм? – вспомнил Жульдя-Бандя из разговорника. Некогда он искренне рассчитывал разбогатеть на благодатной почве, возвращающей миллиардеров и демократов, где у подножия Капитолийского холма всякому дозволяется громогласно выразить своё презрение президенту.

– Не понимай, – австралопитек стыдливо покрутил головой, искренне сожалел о том, что в юности тяга к знаниям так и не возобладала над ленью.

– Как зовут, дурак! – помог Карлсон, чрезвычайно довольный столь тонким розыгрышем.

– Ёжик.

– Ё нейм из Ёжик?!

– Зовут как, дурак! Заладил – Ёжик, Ёжик, – он ткнул собутыльника локтем в бок, хотя тот произнёс прозвище лишь единожды.

– Всю жись Ёжиком зовут.

– По паспорту как?

– А у меня его нету, – австралопитек, досадуя, развёл руками.

– Мама как называла? – вошёл в раж Карлсон.

– Ёжиком.

– А папа?

– У меня папы не было.

Жульдя-Бандя, свидетельствуя процесс, начисто отвергающий дарвиновскую теорию, с трудом сдерживался, чтобы не стать практическим воплощением этого опровержения.

– Ёжик – от непорочного зачатия, – выдвинул гипотезу Карлсон, похлопав того по плечу.

– Май нейм из Джек, – вмешался несостоявшийся американец, протягивая руку непорочно зачато.

Тот протянул ладонью по «здоровому» рукаву, до самого манжета (другой был оторван на треть в драке за мусорные баки – с Робинзоном и Фантомасом с малой Посадской, грубо поправших территориальную целостность границ).

Рубаша, с Рождества Христова не знавшая стирки, вряд ли была чище ладони, и это не могло не вызвать добродушной улыбки несостоявшегося миллионера. Австралопитек пожал

ему руку и с тем, чтобы полностью завершить обряд знакомства, произнёс высоко и торжественно:

– Мой нейм из Ёжик!

У приверженцев дарвиновской теории не оставалось ни малейшего шанса на реабилитацию.

– Минор, он чё – по-нашему ни жу-жу?

– Ни в зуб ногой, – авангардист спешно отвёл глаза, дабы отвратить разоблачение...

Фунтику появление дружка в обществе бродяг нисколько не импонировало, и он с неприкрытым отвращением осматривал новичка, накапливая злость, чтобы выплеснуть её в более концентрированной форме.

– Он чё – тоже из Сэ Шэ А? – с удивлением обратился новоприбывший бродяга к дружку, замечая какое-то странное отрешение на лице незнакомца.

Карлсон кивнул:

– Американец... из Бродвея.

Бродяга протянул правую верхнюю конечность, ещё более концентрируя злость «американца»:

– Мой нейм из Ёжик...

Фунтик одернул руку, по-видимому, не желая знакомиться с животными.

– Из Одессы я... – последовавший дальше непереводаемый набор слов подтверждал, что он чистокровный одессит, а если когда и был в Америке, то проездом.

Глава 17. Экс-солист Мариинки покоряет сердца слушателей

Жульдя-Бандя захохотал открытым грудным смехом, чего не может позволить себе ни один, даже самый отъявленный американец.

– А по-почему всё-таки Минор? Мажор звучит более оптимистично, – враз истребив в себе американца, с трудом подавляя смех, он стал обретать человеческие качества, обращаясь к авангардисту.

Карлсон тотчас преобразился: поднял голову, устремив взор куда-то в вечность, и мощным академическим тенором запел:

– Бэссамэ, бэссамэ мучо, комо си фуэр эста ночэ ля ультима вэз, – мелодия, разверзая пространство, уносила куда-то в космос. – Бэссамэ, бэссамэ мучо, кэ тэньго мьеддо тенертэ пэрдэртэ деспуэс, – нещадно насилуя голосовые связки, закончил он фортиссимо.

– Bravo! – захлопал в ладоши Жульдя-Бандя, и даже Фунтик, предпочитающий воровские песни, удивлённо покрутил головой.

– Минор в Мариинке пел, – пояснил Ёжик и щёлкнул пальцем под скулу, к чему пояснений не требовалось...

... Андрей Седых, он же Минор, или Карлсон, обладал исключительными вокальными способностями. Природа наградила его певческим даром, что и привело молодого талантливого паренька из забытого богом Дальнегорска, что в Приморье, через тернии – на сцену Мариинки.

От отца тот, правда, унаследовал тягу к спиртному, которая в полной мере проявилась, когда он стал ведущим солистом театра, и поклонницы стаями атаковали молодого симпатичного тенора в гримёрках, вестибюлях, проходах и в подъезде дома на Лиговке, в котором он снимал приличную двушку.

В отличие от родителя, тешившего душу самогоном или дешёвыми портвейнами, наш звёздный тенор потчевал себя дорогими армянскими коньяками, новомодными виски, ромами. Дам он угощал французскими винами.

До тех пор, пока Дмитрий Воскресенский, в девичестве Андрей Седых – прима-вокалист известнейшего в мире театра, был любителем выпить, главный дирижёр терпел его слабость к алкоголю. Но лишь до того момента, пока тот не стал настоящим профессионалом.

Он стал всё чаще прикладываться к рюмке, неизменно находя для этого повод: то он «праздновал» 20-летний юбилей окончания жизненного пути величайшей балерины Матильды Кшесинской, то в помин души Фёдора Шаляпина, то Сергея Прокофьева – «Блудного сына», которого сам играл на сцене и олицетворял в жизни.

Когда не находилось повода первой величины, талантливый тенор «обмывал» прочих. Это мог быть день рождения Владимира Ильича Ленина, имя которого нынешняя молодёжь ассоциирует – кто со скульптором эпохи Возрождения, иные – с московским архитектором, кто-то с внебрачным сыном Иоанна Богослова, некоторые – с писателем-фантастом XVIII века.

Расстрел неосмотрительно подзадержавшегося у власти Николая Чаушеску, который, кстати, ничего плохого ему не сделал, разве что румынскому народу, также тронул воспалённые чувства Дмитрия Воскресенского.

Поводом могла стать скоропостижная смерть Диогена Лаэртского, 2000 лет назад, Лукреция или Эпикура.

Главный дирижёр Мариинки простил молодому таланту первый срыв спектакля, второй и даже третий, поскольку бог любит троицу: четвёртого простить не смог...

– ...Минор, спой про лебедей, – жалостливо попросил Ёжик, на всякий случай испросив благословения благодетеля: – Пусть споёт?

Карлсону, по всей вероятности, не хватало пространства, и он вышел из беседки. Опустив голову, наваял на себя грусти и безысходности, что означало, что песня с трагическим концом.

– Над землёй летели лебеди солнечным днём (А. Дементьев), – начал он негромко, обняв взором свободный кусок неба. – Было им светло и радостно в небе вдвоём, – певец подъятыми руками обозначил это, хотя вместо лебедей над беседкой кружила старая глупая ворона.

Минор в своём одеянии походил на грустного клоуна, и только могучий мелодичный голос опровергал такое предположение.

– И земля казалась ласковой, и в этот миг вдруг по птицам кто-то выстрелил, и вырвался крик, – Минор трагически оборвал пение, будто выстрелили не по птицам, а по нему. Ёжик незаметно смахнул со щеки слезу.

Вступил и Жульдя-Бандя, правда, на полтона ниже, ничуть не усугубляя мелодии, а наоборот, преумножив трагическую мощь:

– Что с тобой, моя любимая... – нарастающий мощный голос, приумножаясь в глупой атмосфере, канонадой разрывал пространство, выная душу даже с апатичного к лирической музыке Фунтика, – отзовись скорей, без любви твоей небо всё грустней...

– За лебедей! – предложил Фунтик, не переставая удивляться певческим талантам друга. Его уже нисколько не смущал исходивший от пролетариев запах.

– Хорошо поставленный голос, только недостает вибрации, – похвалил Жульдю-Бандю Минор, обещая это устранить.

Чествование экс-солиста Мариинки продолжалось до полуночи. Фунтик, утвердившись в том, что оперное пение, пожалуй, посложней блатного репертуара, стал учиться вокалу, чем крайне веселил остальных, поскольку его пение походило на собачий вой на полную луну. Друзья, выписывая ногами кренделя, направились к остановке, дабы остановить запоздалого таксиста.

Позднее прибытие квартирантов не обрадовало старого Соломона, и он безмолвно плям-кал губами, утробно поглощая злость.

Глава 18. Жульдя-Бандя оставляет болящего друга вдовствовать, совершая паломничество по городу

Утро, несмотря на насыщенный алкоголем вечер, Жульдя-Бандя встретил бодро и весело, как, в общем-то, и оно его. Солнышко облизывало занавески, вторгшись в комнату ярко-жёлтыми пронизывающими лучами. Старое лакированное трюмо помолодело, разбрасывая по стенам весёлых искрящихся зайчиков.

– Фунтик, пора вставать. Вира! – Жульдя-Бандя легонько похлопал друга по щеке.

Тот с трудом открыл створки глаз, пустым безвольным взором оглядывая комнату. Пристал. Спустил с кровати ноги, уронив некогда буйную головушку на грудь. Болезненное страдальческое лицо его не могло не вызвать жалости разве что у самого отъявленного человеконенавистника.

Фунтик походил на кающегося грешника с картины Николая Ге. Впрочем, на кающуюся Магдалину с полотна Вечеллио Тициана он походил не меньше. В сюжетную линию никак не вписывался Жульдя-Бандя, поскольку его бурный неуёмный темперамент несколько противоречил пасторской кротости и смирению. Исключить, однако, того, что он был священником в прошлой жизни и пас заблудших овечек, тоже нельзя.

– А такой прекрасный вечер был (А. Розенбаум), – пропел Жульдя-Бандя.

– У нас таблеток от головы нету? – трогательным изнемождённым голосом спросил Фунтик.

– У нас их нет и от жопы. Таблетки от головы – для тех, у кого она есть, – напомнил дружок, не сумев даже в столь скорбную минуту обойтись без своих дерзких шуточек. Склонившись над болящим, он предложил: – Может, обезболивающего?

Фунтик покрутил головой, выражая готовность нести всю полноту страданий. Он снова принял горизонтальное положение: тяжело дыша, закрыл очи.

Жульдя-Бандя всё же оставил у изголовья несчастного бутылку «Рижского», памятуя о кодексе Гиппократы, которому он, к слову сказать, клятвы не давал. Быть свидетелем человеческих страданий – занятие не из приятных, поэтому он оставил друга на сохранение Всевышнего.

Крестя его чело, где, по опыту, боль праздновала победу, скорбным голосом прошептал:

– Спаси и сохрани, Господи, непутевого раба твоего, и пусть ложе сие ему будет пухом.

Фунтик мучительно улыбнулся, искренне сожалея о прожитом дне.

– Пойду прошвырнусь, – прощаясь, объявил Жульдя-Бандя.

Вскоре он уже шествовал по проснувшемуся городу, вливая в его жизненную артерию свой скромный посильный вклад. Светлая улыбка хронического оптимиста озаряла лицо великого прохиндея. Окрепшее солнце вытрусилло людей из одежд. Прагматичные хладнокровные питерчанки оголили ножки, являя миру бледные, цвета слоновой кости телеса.

Дабы придать настроению мажорной тональности, Жульдя-Бандя выпил в летнем кафе кружку «Жигулёвского». Неприлично громко отрыгнул газы, что несколько контрастировало с патриархальным укладом северной столицы.

Проходящие мимо половозрелые школьницы захихикали ещё более неприлично, не разделяя своих взглядов на ветхозаветные правила Санкт-Петербурга. Жульдя-Бандя погрозил им пальчиком, и те засмеялись ещё пуще, будто он погрозил им чем-то иным.

Глава 19. Лёгкий конфуз странствующего сердцеда

В этот момент на противоположной стороне дороги в глаза бросилась пара загорелых высоких ножек, уносящих остальную часть тела в неизвестность. Вскоре таинственная незнакомка утонула в недрах подземки.

Молодой человек нырнул в широкую всепоглощающую пасть подземного перехода, охотно переваривающего в своём ненасытном чреве миллионы законопослушных граждан, не гнушаясь, впрочем, и остальными.

Вскоре, освободив от себя кишечник подземелья, он оказался на финишной прямой. Стройные ножки были уже на значительном удалении, и Жульдя-Бандя, размашистой рысью лавируя между людьми, стал-таки настигать, ничуть не задумываясь о способе интеллектуального пленения незнакомки.

Настигнув, сзади деликатно обхватил кистью руку чуть выше локтя:

– Девушка, извините... – та, продолжая шествовать по грешной земле, как и все жители мегаполисов, не желающие тратить времени на глупые расспросы приезжих, высокомерно-презрительно обернулась. – Де... де... де... – герой-любовник сконфузился, ниспадая в тональности.

Под жирным слоем макияжа скрывались останки безвозвратно ушедшей молодости. Она выглядела, как копчёная скумбрия с истёкшим сроком годности, которую реанимировали подсолнечным маслом.

Таинственная незнакомка, без сомнения, разменяла седьмой десяток: морщинистое лицо и острый подбородок выдавали в ней старуху Изергиль. Ямки на висках, щеках и под нижней губой наталкивали на мысль, что у неё вакуумным насосом выкачали всю жидкость на лице. Это же подтверждали впалые, как у шимпанзе, глаза, будто они прятались в глазницах, чтобы не видеть цветущей и благоухающей жизни вокруг.

Жульдя-Бандя от всей души передумал знакомиться, и на ум не приходило ничего, кроме как попросить у неё закурить. Однако странствующий сердцеед не мог себе позволить снизойти до какого-нибудь ростовского пижона. Он в замешательстве искал достойный выход из столь щекотливой ситуации.

Напрашивалось спросить, например, о месторасположении музея революционной славы, но возникал риск предстать либо коммунистом, либо сумасшедшим, что на данном историческом отрезке расценивалось одинаково. Жульде-Банде хотелось убежать, но он не готов был сосуществовать с собой, неся бремя интеллектуального труса.

– Извините, вы не подскажете, как попасть в Сандуновские бани? – нашёл он спасительное решение, изобразив на лице наивность провинциального туриста.

Та ехидно улыбнулась, отчего лицо её приняло ужасающе-мистические черты:

– На метро до Московского вокзала. Поездом до Москвы. Там спросите, – сухо, как автоответчик, отрапортовала она. Мстительно улыбнулась и, оставив на лице лёгкий оттенок язвительности, растворилась в людском муравейнике.

Жульдя-Бандя облегчённо вздохнул, снеся от Всевышнего пощёчину по своему натруженному интеллекту.

Глава 20. Жульдя-Бандя спешно покидает место своего интеллектуального провала

С тем, чтобы незамедлительно покинуть место позора, странствующий ловелас остановил такси.

– Куда везти? – поинтересовался таксист, видя растерянность пассажира.

– Куда-нибудь.

Водитель, трогаясь, настороженно посмотрел на странного молодого человека, пытаясь определить степень его вменяемости, поскольку «куда-нибудь» заказывают только влюблённые, на которых тот не походил, если только не был влюблён в самого себя.

– Деньги есть? – таксист с недетским любопытством посмотрел на странного пассажира.

Тот похлопал по карману брюк:

– Разве я похож на человека, у которого нет денег?!

Таксист, вдавив педаль газа, хихикнул:

– На прошлой неделе целый час возил одну бляндику. Она мне: «Извините, я забыла дома сумочку». Ну и что с ней делать? «Что делать будем? – говорю. – Как будем рассчитывать?» Она тут же, на этом месте, – водитель кивнул в сторону пассажира, – снимает трусы...

Жульдя-Бандя, представив, что это происходило на том же сиденье, на котором находится сам, почувствовал лёгкое возбуждение.

– Ну и что?! – заинтригованный развязкой, как домохозяйка, окунувшаяся в омут бразильских мыльных опер, он вполоборота повернулся к водителю.

– Отработала, – тот загадочно ухмылялся, ещё более интригуя пассажира.

Жульдя-Бандя ясно представил, как бедная блондинка, попавшая в столь щекотливую ситуацию, покрывшись румянцем стыдливости и конфуза, удовлетворяет потребности похотливого таксиста, который вряд ли смог бы завоевать её сердце силою интеллекта.

– Я её на Охтинский разлив отвёз... Она мне, – таксист хихикнул, ударив ладонью по рулевому колесу, – своими белоснежными ручками... машину... и снаружи, и внутри выдраила.

«Маньяк!» – с отвращением подумал Жульдя-Бандя и, не желая более дышать одним воздухом с извращенцем, потребовал: – Шеф, останови свой дирижабль. Совсем забыл. У меня сегодня лекция среди питомцев районного морга о вреде курения....

Глава 21. Наш неуёмный ловелас знакомится с художницей

Молодой человек осмотрелся в попытке выбрать дальнейший маршрут. С удивлением отметил, что находится в плену меланхолических церквей, вознёсших свои золочёные купола в небо.

Направился в сторону Спасо-Преображенской. У врат святой обители выдал старухам, открывшим здесь свой крохотный, но надёжный бизнес, – Христа ради по пятёрке. Те, осыпая щедрого дядю благодарностями, на радостях запели на октаву выше: «Люди добрые, подайте Христа ради...» Исчерпав лимит благотворительности, наш герой отправился дальше.

Через пару кварталов наш странствующий Казанова оказался в Таврическом саду. На скамейке, слева от памятника Есенину, спекулируя внешностью, утвердилось девица, умело маскируя свой интерес к мужскому полу под сводами журнала «Живопись» со статуей обнажённого юноши из белого мрамора на глянцевой обложке.

Она была в газовой сорочке мышинного цвета с тонкими бретелями-спагетти, асимметричной юбке из тонкого габардина с высоким боковым разрезом и волнистым низом.

Как всякая современная молодая женщина, в надежде выделиться среди миллионов соотечественниц, ломая стереотипы, предлагала на обозрение представителей противоположного пола нечто экстраординарное: короткие чёрные волосы, обгрызенные до самой макушки. Выше бровей – взбунтовавшийся чуб, что наводило на мысль, что та попала под газонокосилку. Узкое личико, тонкая линия бровей, неброский носик, вполне гармонирующий с пластичной фигуркой, нетронутые помадой губы и хитрые карие глазки не могли не привлечь внимания нашего странствующего женолюбца, проще говоря – бабника.

Совершенно очевидно, что интерес девицы к живописи – ширма, за которой кроется нечто плотское и приземлённое. Жульдя-Бандя с видом полного равнодушия подсел рядом, хотя пустующие поодаль скамейки компрометировали бычьи помыслы незнакомца.

Он стал разглядывать памятник Есенину в безнадежной попытке припомнить хоть что-нибудь из творчества поэта, но ничего кроме «Шаганэ ты моя, Шаганэ», на ум не приходило.

Незнакомка, как патологоанатом на здравствующего, с холодным безразличием посмотрела на молодого человека, потом, слегка прищурившись, переместила взор на памятник:

– Похожи.

Перевернув страницу журнала, с деланным равнодушием принялась рассматривать сцену из библейского сюжета.

Жульдя-Бандя счёл схожесть великого поэта и сердцеда со скромным философом достаточной, чтобы придвинуться к незнакомке на расстояние, не позволяющее, однако, обвинить его в сексуальном домогательстве:

– А вы – художник?

Незнакомка покрутила головой и с торжествующей ухмылкой поправила:

– Художница.

– У меня папа тоже был художником. Рисовал портреты, – охотно ухватился за ниточку ловелас.

– Портреты не рисуют, а пишут! – таинственная незнакомка победоносно вонзила в него наполненный сарказмом взгляд, что целиком отторгало всяческую таинственность.

Жульдя-Бандя виновато улыбался, силясь найти к ней подход, не сомневаясь нисколько в том, что этой птичке нужно немного дерзости.

– Оригинальный сюжет!

– Обыкновенный, – художница провела ладошкой по лощёной странице журнала, где на фоне пробивающегося в ущелье заката засыпала природа.

– Я имею в виду причёску. Она называется – Армагеддон?

– Она называется – Последний день Помпеи, – незнакомка хихикнула, слегка подбив тонкими длинными пальчиками волосы на макушке, дабы не допустить отступления от сюжета.

Жульдя-Бандя засмеялся – открыто, честно и непринуждённо, увлекая в свои объятия взгляд девицы.

– И что наша художница делает сегодня вечером?

– Ничего. Пока ещё не ваша, – уточнила она.

– Ничто – это эмбрион материи: постылое дитя материализма.

Девица, кокетливо вывернув головку, изучающе, с позиции человеческой самки, взглянула на незнакомца:

– Вообще-то, я не очень свободна, – двусмысленно намекнула художница.

После таких откровений, как правило, даже самые отъявленные сердцееды, дабы не тратить времени впустую, стараются «делать ноги».

Наш ловелас, однако, был не простым, а странствующим, а странствующим не пристало сдаваться.

– В груди моей больной местов свободных нет. Свобода – понятие многогранное. Только дурака можно убедить в том, что он свободен, – незнакомец ненавязчивой паузой отметил глубину мысли, заодно проверяя реакцию на неё художницы.

Та, улыбнувшись, равнодушно перевернула страницу журнала, подчёркивая лёгкую степень пренебрежения к самонадеянным донжуанам.

– Утверждать о том, что он свободен, может только полный кретин. Спрос на свободу всегда превышает предложение, несмотря на её самую высокую ставку кредитования.

Незнакомка оторвалась от журнала, боднув головкой и вытянув трубочкой губки.

– Ренуар – «Купальщицы», – едва взглянув на трио обнажённых девиц, определил Жульдя-Бандя, искренне удивив незнакомку своими академическими познаниями в искусстве. Впрочем, познания молодого человека, если исключить «Утро в сосновом бору» Шишкина да «Джоконду» Леонардо да Винчи, на этом и заканчивались.

Копия «Утра в сосновом бору» висела у изголовья кровати в детстве, а «Купальщиц» Ренуара, уже в отрочестве, он выдрал из книжки в библиотеке (в то время ветер сексуальной революции ещё не достиг границ империи и девочки блюли чистоту до брачного ложа, отчего юным воздыхателям приходилось довольствоваться картинками).

– Первый, кто воспел женщину, был романтиком, все остальные – идиотами, – прокомментировал сюжет с «Купальщицами» Жульдя-Бандя, что вызвало улыбку и неподдельный интерес незнакомки, которая неумело скрывала это, пренебрежительно перевернув очередную страницу «Живописи». – Шишкин – «Утро в сосновом лесу».

– Бору, – поправила художница, уже не скрывая интереса к столь осведомлённому незнакомцу. – Наш вундеркинд обучался в школе для одарённых мальчиков? – обратилась она, как-то совсем уже по-свойски, тяготея к присущим питерцам аристократическим манерам.

Жульдя-Бандя хитро улыбнулся и, кивнув головой, добавил:

– И девочек.

– Относительно девочек ты, вероятно, превзошёл ожидания родителей.

Проницательность, облачённая в столь откровенные формы, крайне удивила молодого человека. Ему с трудом удалось скрыть волнение, вызванное чрезмерной открытостью собеседницы, пробуждавшей дремлющие гормоны. Откровенность художницы была, пожалуй, откровеннее откровений Иоанна Богослова.

– Ты, случайно, не эксперт по живописи? – она с издёвкой посмотрела на незнакомца.

– Я... собственно... – Жюльдя-Бандя стряхнул с брючины паука, оттягивая время, с тем чтобы успеть обрести достойную профессию, – разведчик...

Молодая женщина, саркастически улыбнувшись, на какое-то время закрыла журнал, в качестве закладки применив указательный палец.

Разведчик понял, что замахнулся высокомерно, и пожалел, что не стал, к примеру, комбайнером, хотя хлебороба в нём, наверняка, было ещё меньше. К тому же у разведчиков принято рассказывать о себе исключительно под пытками и, для приличия, не ранее чем со второго раза.

Впрочем, он тут же нашёлся, вспомнив хвастовство Фунтика – глупым наивным провинциалкам в поезде. Он наполовину сбросил с себя причитающейся разведчикам таинственности и совершенно приземлённо добавил:

– Разведчик недр. Разрабатываем Восточно-Сибирское плато: марганец, медь, кобальт, магний, сланцы, доломиты, текстолиты.

– Текстолиты?! – незнакомка взглянула на геологоразведчика, подозрительно вытянув трубочкой губы.

Тот осознал, что с текстолитами несколько погорячился, но видя нерешительность оппонентки, в высшей степени достоверности пояснил:

– Залежи текстолитов промышленных масштабов обнаружены Забайкальской геологической экспедицией, в которой ваш покорный слуга трудится, в 1951 году, в месте слияния Лены с Енисеем, – «геологоразведчик» врал настолько убедительно, что небольшой географический казус со столь легкомысленным венчанием непокорной Лены с могучим Енисеем остался лишь на его совести.

– А что, Лена с Енисеем – того? – девица соединила коготки указательных пальцев, виновато щёлкая ресничками, дескать, художникам простительны упущения в этих вопросах.

– А по-твоему Лена сливается с Амазонкой?!

Собеседница хихикнула, полагая, что Амазонка находится в Австралии, хотя это и недалеко от истины. Выказывая симпатии к эрудированному молодому человеку, девица закинула ногу за ногу, до неприличия оголив белые окорочка.

Потом погладила икры на вскиннутой ножке, поменяла местами, погладила и другую, эротично протягивая ладошками снизу вверх. Она с наслаждением ловила на себе испепеляющий взгляд «геологоразведчика», который силою воображения поменял руки местами, свои при этом устремив под юбку.

Тут в разговор вклинилась ворона, утвердившаяся на краю спинки соседней скамейки. Она каркнула, привлекая к себе внимание (не исключено, что птица ожидала хлебушка или сыра, которым её потчевали сердобольные питерцы).

– Под синей мглой небосклона в зоологическом саду, сидишь ты, русская ворона, среди роскошных какаду (С. Заяицкий).

Незнакомка отправила удивлённый взор в собеседника, поправив:

– В Таврическом.

– В Таврическом саду купил я дачу, – запел ловелас, вспомнив одну из песен, – прародительницу своей артистической карьеры, сделавшую его первой струной Парижа и окрестностей. – Она была без окон, без дверей. И дали мне ещё жену в придачу – красавицу Марию без ушей.

Художница хихикнула, аспидно прищурил глазки:

– Пошлятина!

Жюльдя-Бандя улыбнулся.

– Абсолютно с вами согласен. Это одна из моих первых песен, которые я выучил на гитаре.

– Сейчас ты уже поёшь матом? – предположила девица, вернувшись к прежней теме.
– Мужчины видят в женщинах лишь объект для убажания собственной похоти.

Сама же на это провоцируя, она лукавыми хитрыми глазками посмотрела на одного из представителей этого отряда, будто бы рассчитывая с его стороны на опровержение.

– Отчасти вынужден признать обвинение! – частично признал обвинение молодой человек.

– Все мужики – сволочи! – торжественно заключила представительница противоположного пола, по-видимому, имея относительно этого собственную точку зрения.

– За редким исключением, – согласился один из представителей этого подвида, в качестве исключения разумея, конечно же, себя. – Идеальные мужчины рождаются только в женском воображении. Кстати, меня зовут Вениамин. Можно просто – Веня, – Жульдя-Бандя протянул руку, искренне полагая, что знакомиться утром, после проведённой бурной ночи, является признаком дурного тона.

– Елена. Можно просто – Лена, – художница вложила лапку в широкую мужскую ладонь, опустив глазки, как кроткая неискушённая семинаристка, что несколько противоречило её одеянию: короткая юбка с вырезами по бокам и газовая сорочка, подчёркивающая чёрный бюстгальтер и молодую нежную, нетронутую целлюлитом кожу.

– Я предлагаю продолжить нашу дискуссию в ближайшем кафе! – внёс конструктивное изменение в программу Жульдя-Бандя, эгоистично рассчитывая под воздействием спиртного «углубить» знакомство.

– А почему не в ресторане?

– Ресторан – это место, куда жирные коты приходят лишь для того, чтобы обозначить свою состоятельность.

Молодому человеку стало немного неловко, но он искренне сомневался в том, что её потребности совпадут с его возможностями.

– Я – гурман, Веня. Мне больше нравится Веня, нежели Вениамин... – пояснила Лена.

Веня слегка сконфузился, не разделяя с новой знакомой аристократических пристрастий в еде. Он пылливо воззрился в карие очи художницы, с тем чтобы понять величину изысканности потребляемых ею блюд:

– Предпочитаем опарышей по-флотски или... заливное из навозных червей?!

Лена сморщила лобик, рукою взрыхлив причёску:

– Всё гораздо прозаичнее, милый мой!

Жульдя-Бандя последнее принял в заслугу своей обаятельности и остроумию, хотя та потчевала этим всех без исключения, даже подруг, меняя только окончания.

– Просто я предпочитаю продукты в чистом виде.

Собеседник недоуменно развёл руки, опустив края губ, отчего казалось, что он вот-вот заплачет:

– Я не встречал ни одного дурака, предпочитающего грязные продукты.

– Посмотришь в зеркало и одного встретишь наверняка, – художница засмеялась так пронзительно, что рядом с памятником великому поэту это расценивалось в высшей степени еретиканством. – Запомни! – она навеяла на себя прокурорской строгости, хотя губы предательски излучали оптимизм. – Наши предки питались мясом, овощами и корнеплодами, – она коготком указательного пальца ткнула потенциального дурака в грудь, – и жили долго и счастливо, а твои любимые колбаса, копчёный окорок, супы, борщи – это корм, а не еда. Кстати, немцы, – Лена придала пальцу восклицательное положение, что предполагало серьёзное сему подтверждение, – называют борщ «швайнэссен» – свинячий корм!..

– Да, но в итоге всё это обретает одну и ту же субстанцию, – попытался оспорить утверждение художницы Жульдя-Бандя.

– Не спорь со мной! – вынесла суровый приговор оппонентка, оставляя право своей сомнительной гипотезе властвовать над очевидным.

– Женщина всегда права, – не стал оппонировать Жульдя-Бандя в надежде в последующем получить бонусы за сотрудничество.

– Вот именно, – охотно согласилась одна из ярких её представительниц.

– За исключением, когда прав всё же мужчина.

Ворона каркнула, в очередной раз напоминая глупым приматам о себе и о пустом желудке.

Жульдя-Бандя тотчас отреагировал.

– Ворона не способна научить вокалу канарейку или соловья, зато вполне способна выступить в качестве музыкального критика.

Глава 22. Жульдя-Бандя отправляется со своей новой знакомой в Озерки, рядом с Шуваловским кладбищем

– Веня, а как ты относишься к покойникам?

Веня оказался не готов к ответу на столь интимный вопрос и, в безнадёжной попытке нейтрализовать возникшее смятение, пожав плечами, вывернул ладони:

– Я, собственно... особой любви не испытываю. Думаю, не хуже, чем они ко мне, – он хихикнул, предопределяя помыслы своей очередной пассивности. – А ты хочешь пригласить своего знакомого покойника на уик-энд? Я буду ревновать! – предупредил ветреный повеса, растянув губы.

Женщина с жалостливым сочувствием посмотрела в родниковые очи собеседника:

– Нет, Веня, ты никогда не станешь художником!

Тот утвердительно кивнул, готовый пожизненно носить этот крест. Впрочем, он уже нёс бремя странствующего философа, которое его, однако, нисколько не обременяло.

– Приглашаешь обаятельную молодую женщину, – она начертала в воздухе женский профиль, в котором ни молодости, ни обаяния не усматривалось, – в прокуренное кафе, – она сморщила носик, обозначив это. – Короче, Веня, мы едем в Озерки. Там такая красотища! Я на прошлой неделе писала там пейзаж... единственное, – Лена виновато подвернула нижнюю губу, – рядом кладбище, но если...

– Никаких «если». Ради такой красивой женщины я готов даже на кладбище...

Художница, хитро улыбаясь, погрозила пальчиком, подразумевая, что тот готов на большее, на что может рассчитывать. Беззаботная парочка остановила старенький «мерседес», который ревно помчал по Литейному мосту в северном направлении.

– Уютный саркофаг, – пассажир дружески похлопал по передней панели.

Водитель улыбнулся, впервые услышав о своём кормильце столь лестную оценку. На перекрёстке Выборгского шоссе и Софийской улицы молодые люди сошли возле огромного двухкупольного шатра, в котором предприимчивые азиаты устроили узбекскую кухню.

– Салам алейкум! – поприветствовал Жульдя-Бандя высокую узбечку в пёстром шёлковом куйлаке, шароварах и тюбетейке, которая, тёплой восточной улыбкой встретив посетителей, пригласила за столик. – Рахмат, нам с собою... шашлычка... – узбечка растаяла, услышав родную речь.

Спутница, не скрывая удивления, посмотрела на своего нового знакомого.

– Баранинки... по две порции, – для подтверждения Лена выкинула указательный и средний пальцы, будто общалась с китайкой, – только нежирной... и без лука.

На выходе Жульдя-Бандя с джентльменской обходительностью приобнял спутницу за талию. Рука будто случайно скользнула вниз, посягая на суверенитет правой ягодицы, за что он получил лёгкое порицание взглядом.

– Так, под шашлыки из баранины нужен сливовый ликёр, – категорично заявила художница, заставив спутника мучиться вопросом, почему ликёр и почему сливовый.

Странствующий повеса решил всё же оставить вопрос открытым, опасаясь, что выяснится, что коньяк «Наполеон» – ничем не хуже. А этого его скромный бюджет может не выдержать.

Требуемое без труда приобрели в ближайшем гастрономе и, обогнув крайний дом, вышли к большому озеру, рядом с кладбищем и церковью.

– Шуваловское кладбище, храм святого Александра Невского, – спутница обозначила и то, и другое рукой.

– Экзотика! Царство мёртвых, – Жульдя-Бандя артистичным жестом обозначил покой общественной усыпальницы, – обитель погребённых идей и несбывшихся надежд. Умереть много ума не нужно, а ты попробуй выжить посреди идиотов!

Попутчица хихикнула столь меткому и лаконичному определению.

– Я тоже хотел бы мирно почивать в этом райском уголке на берегу озера... лет через... сто пятьдесят...

– Ты, Веня, скромн не по годам!

– Скромность – это не моя стихия, в противном случае я бы стал священником.

Лена хихикнула, устремив лисий взор в родниковые глаза попутчика:

– Сатана в рясе.

– Говорят, человек после смерти слышит ещё несколько часов, – нисколько не смутившись, Жульдя-Бандя обратился за подтверждением этой версии к спутнице.

Та безразлично приподняла плечики:

– Не умирала, не знаю.

– Вероятно, в этот момент он узнаёт о себе много нового от нетерпеливых наследников.

– О-о-о-чень много, – согласилась художница.

Молодые люди шли по центральной дороге, разделяющей кладбище, выискивая глазами наиболее впечатляющие памятники. Извечная тема не могла оставить равнодушным нашего героя, и отрезок пути он посвятил видению предмета:

– Посреди покойников чувствуешь себя человеком!

– А посреди людей кем ты себя чувствуешь? – Лена вопросительно подняла глазки.

– Людей не существует в природе. Есть высокоразвитые приматы, которые назвали себя людьми и этим тешат собственное тщеславие. Я, конечно же, не лучший образец...

Девушка хихикнула:

– А ты не страдаешь самолюбием.

– С годами я себя торжественно разлюбил, – скромно признался Веня, рассчитывая на дивиденды за откровенность.

Лена улыбалась, слушая болтовню своего нового знакомого:

– Смотри! – он указал на ничем не примечательный памятник. – Куц Михаил Семёнович. Двадцать первый – восемьдесят девятый. «Видит Бог, я этого не хотел».

Оставшуюся часть пути он болтал без умолку, найдя тему смерти довольно привлекательной, хотя нормальные люди стараются обходить её стороной:

– Смерть без причины – признак дурачины, – Жульдя-Бандя посмотрел на художницу, в попытке узнать её реакцию на свои интеллектуальные потуги. Он входил в раж, поскольку тема смерти была питательной средой не одному поколению мыслителей. – Смерть – самый убедительный аргумент против твоего существования.

– Очень убедительный, – согласилась Лена, сопроводив это кивком головы.

Жульдя-Бандя, приостановившись, отправил вопросительный взгляд в очи очередной пассии:

– А что ты скажешь собравшимся у твоего смертного одра?

Возраст художницы плохо гармонировал с такими симптомами, и она неопределённо пожалала плечиками:

– Прощайте... милые мои. Не держите зла!

– А я, умирая, скажу всем, с ядовитой улыбкой на синеющих губах: «До скорой встречи, дамы и господа!»

– Ты человеконенавистник?

– Я не нахожу повода любить глупое человечество, и я нисколько не боюсь смерти!
– молодой человек сказал это с такой помпой, будто умирал, как минимум, четыре раза.
– Смерть – это всего лишь переход в новую химическую формулу. В Бразилии к смерти отно-

сятся с юмором, – рассказчик заранее улыбнулся. – На одном из надгробий было написано: «Здесь покоится Панкратио Хувеналес. Он был примерным мужем, отличным отцом, но плохим электриком».

Девушка захихикала, нарушая святую патриархальность общественной усыпальницы.

– Отыскать зерно истины в смерти – мечта каждого философа. Смерть...

– Так, Веня, давай мы лучше о жизни, – опасаясь, чтобы это скорбное слово не материализовалось, предложила Лена.

Бродячий прохиндей растянул губы:

– Супружество с жизнью заканчивается на кладбище.

– Всё. Ни о жизни, ни о смерти – ни полслова, – собеседница ударила умника кулачком по руке, – лучше о любви.

– Любовь – это восторженное тремоло банальности или сумасшествие по согласию.

Художница, вздохнув, покрутила головой, что в переводе на русский означало: «Куда я попала?!».

Глава 23. Молодые люди в Озерках

...Вскоре парочка разместилась на берегу Нижнего озера, на скамейке, устроенной предприимчивыми любителями экзотического отдыха.

– У меня спецпредложение, – четверговал лаваш, наливая ликёр в бумажные стаканчики, обратился Жульдя-Бандя к художнице. – Давай выпьем за покойников!

– За покойников?

– А что они нам плохого сделали?!

– Ничего, – согласилась та, оставив на лице лёгкую нить сомнения, – но пьют не за покойников, а за упокой их душ...

...По мере опорожнения бутылки разговор молодых людей обретал всё более приземлённые плотские формы, а взгляды, встречаясь, бесстыдно совокуплялись, пронизывая друг друга игривыми искорками желания.

– А глазки-то у тебя, Венечка, голубенькие, – заглядывая в очи своего нового знакомого, определила художница, оголив зубки.

– К остальному это не имеет ни малейшего отношения, – заверил тот, готовый тотчас опровергнуть всё, не касаемое цвета глаз.

– Блядские глазки, Венечка, – вынесла окончательный вердикт женщина и, будто бы нечаянно, обронила руку в то место, в котором глазками не пахло вовсе.

– Ни боже ж мой. Я чист, как изумруд, и в душе – святее всех святых, – Жульдя-Бандя пытался обременить лицо послушанием и кротостью, но фонтанирующее жизнелюбие напрочь отвергало чистоту и святошество. К тому же рука девицы утвердилась на том месте, к которому половозрелые человеческие самки проявляют наибольший интерес.

Впрочем, основной инстинкт, обострившись, воспалился, и она, ощущая это вспотевшей ладонью, сжала лапку, рискуя сломать коготки. Однако тотчас отняла её, с маниакальным наслаждением взирая на своего нечаянного знакомого, на лице которого читалась обида ребёнка, у которого забрали любимую игрушку.

Она указательным перстом той же лапки издевательски погрозила, ничуть не скрывая похотливой игривости в глазах.

– А бабё любит голубоглазеньких, читая за лживой голубизной искренние и открытые чувства, – Лена покачала головой: то ли упрекая голубоглазых, то ли соболезуя тем, кто на них клюёт.

– Женщины предпочитают умных, а вынуждены довольствоваться дураками, за редким исключением, – Жульдя-Бандя постучал редкое исключение по груди.

– Ой, как интересно посмотреть на такого уникального мужчину! Умён, красив, молод и, наверняка, без вредных привычек, – художница, выражая искреннее удивление, уставилась на него, как на попугая, говорящего на иврите. – Веня, а ты случайно не женатый?

– Один, как три тополя на Плющихе! Лена, я тебе скажу один умный вещь, только ты не обижайся. Как сказал Жан Ануй – мой внучатый племянник: «Холостяк живёт как король, а умирает как собака, а женатый живёт как собака – умирает как король».

– Веня, женись на мне и будешь умирать как король, – Лена хитрым игривым взглядом проникла в голубые очи собеседника.

Жульдя-Бандя потикал указательным пальцем:

– Нэ-э-эт, я травка кушай! – он улыбнулся, сокрывая на устах недосказанную мысль. – Как сказал один мой знакомый – трижды еврей Советского Союза – Игорь Губерман... – собеседница хихикнула, впервые столкнувшись со столь почётным званием, – «Семья – театр, где не случайно у всех народов и племён вход облегчённый чрезвычайно, а выход очень затруд-

нён», – ловелас протянул ей кусочек мяса, поясняя: – Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Лена отправила знак вопроса по поводу происхождения столь убедительного и неопровержимого утверждения.

– Это не я сказал, – собеседник, крутя головой, выставил ладони, – это сказала тётя Фая, Фаина Раневская, моя тётя по материнской линии, – он принялся наливать в бумажные стаканчики ликёр.

Жульдя-Бандя горделиво, будто воспользовался не чужой, а собственной мыслью, посмотрел в глаза своей новой знакомой, которой, как половозрелой самке, была более интересна форма, нежели содержание.

Собеседник, привыкший покорять женские сердца содержанием, в дополнение к тому, что дала природа, продолжил философствовать:

– Женщина больше доверяет не тому, кто с ней откровенен, а тому, кто вдохновенно лжёт, расстилая перед ней бархатное покрывало лести, лицемерия, лукавства и фальши, – он сделал лёгкую паузу, следя за реакцией слушательницы на свою пространную тираду. – Природа разумно распределяет ценности: если ты умён, значит, ты нищий. Если богат, то обладателю недостаёт ума. И лишь избранные получают и то, и другое.

Лена издевательски улыбнулась:

– Я надеюсь, тебя это не обременяет?

– Увы, я дитя природы. Странник. Живу милостию божией.

– Кого бог подаст?! – Лена хихикнула, положив руку на ногу собеседника. – Ничего, какие твои годы. Заведёшь себе крестьянку. Та заведёт тебе кур, гусей и кроликов... – она улыбнулась, по-видимому, представив себе это.

– Живёт, как истинный мудрец, капусту садит, как Гораций, разводит уток и гусей и учит азбуке детей (А. Пушкин).

Лена потикала пальчиком:

– Детей я бы тебе не доверила. Боюсь, ты научишь их не только азбуке.

Она засмеялась звонко и заразительно, нарушая патриархальный уклад Шуваловского кладбища, впрочем, вряд ли доставляя неудобства его постояльцам.

Вскоре, расправившись с шашлыком и настойкой, захмелевшая под её воздействием молодая женщина зашвырнула порожнюю бутылку в озеро, подчёркивая менталитет широкой незатейливой открытой русской души.

Глава 24. Легкий интимчик странствующего ловеласа и художницы возле ручья

...Обратно молодые люди возвращались по тропинке вдоль озера, в зарослях буйствующей от изобилия влаги растительности. Дорогу преградил ручей, у излучины к озеру, в самом узком месте осёдланный берёзовыми, уложенными в ряд жёрдочками.

Спутница остановилась, театрально взмахнула рукой, отчего высыпавшиеся с берега в мутную жижу лягушки принялись любопытно взирать на нарушителей спокойствия.

– Графиня желает быть перенесённой на руках!

Жульдя-Бандя, сознавая, что капризы женщины неисповедимы, остановился, не выказывая особого желания прислуживать новоявленной дворянке:

– Я – странствующий рыцарь печального образа, а не рикша, – он обозначил себя рукой, отобразив на лице присущие рыцарям храбрость и самоотверженность, хотя к печальному образу доставало немного грусти.

– Ты хам, Веня, а не рыцарь печального образа! – торжественно заключила графиня, коготком указующего перста ужалив его в руку.

– Я – хам?!

– Ты хуже хама. Ты не можешь найти в себе мужество перенести бедную женщину... одним словом – ты не мужчина, Веня!

– Я – не мужчина?! Это я-то не мужчина?! – Жульдя-Бандя выказал удивление такой силы, будто его обвинили в антисемитизме или того хуже – измене Родине, хотя та давным-давно похоронила своих верных сынов и изменять ей стало делом вполне привычным и обыденным.

– Да, ты! – художница тонким длинным пальчиком опять «ужалила» собутыльника.

Тот угрожающе опустил бегунок молнии до середины, наблюдая за реакцией своей новой знакомой, наивно полагая увидеть лёгкое оцепенение в её глазах. Та оставила на лице печать пренебрежительно-язвительной улыбки.

– И это всё, чем ты можешь подтвердить свою принадлежность к мужскому полу?!

Теперь оцепенение охватило номинанта на столь высокое звание. Жульдя-Бандя впервые был столь дерзок с представительницей нежной половины, но дерзость спутницы, под воздействием приторно-сладкой сливовой наливки, превосходила многократно, заставляя его задуматься, дабы не стать посмешищем в её глазах.

– И этим, Веня, ты решил испугать такое робкое невинное создание?! – продолжала издеваться Лена, играя хитрыми искрящимися глазками.

Задетый за живое странствующий бабник разверз ширинку окончательно, внимательно следя за реакцией женщины, в надежде обнаружить неподдельный интерес в её глазах.

Та же, оставив на лице признак полного равнодушия, стала дышать с волнением школьницы, объясняющей на уроке биологии принцип зачатия ребёнка. Она распрямила сжатый в кулачке указательный пальчик, повелительно опустив его вниз.

Жульдя-Бандя приспустил трусы спереди, приобнажив интимное место, с нетерпением дожидаясь дальнейших указаний. Пальчик троекратно начертал в воздухе вертикальную линию, окончательно утвердившись в нижнем положении, повелевая продолжить начатое.

Нависшая тишина придавала действию сексуальности и соблазна. Пригорюнившиеся было от вторжения приматов на свою вотчину лягушки, не чуя опасности, стали осторожно поквакивать, придавая сюжету античности и гармонии с природой.

Жульдя-Бандя эротично крутнул задком, затем в обратном направлении, как это делают стриптизёры в ночных клубах. Спустил трусы до колен, совершая тазом до боли знакомые движения, сотрясая пока не представляющим никакой опасности членом.

Зрительница ловко схватила его, остановив головокружительные пируэты. Сжала несколько раз, потерявила, щёлкнула ноготком по блестящей, как зрелый баклажан, головке.

– И с этой сосиской, невежа, – она снова сжала член и стала мотылять им с ещё большим усердием, подчёркивая полную бесосновательность потуг, – ты претендуешь на звание мужчины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.